

Татьяна ТРОНИНА

Страсти по рыжей фурии

истории
любви

Татьяна Михайловна Тренина

Страсти по рыжей фурии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161434

Татьяна Тренина. *Страсти по рыжей фурии*: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25488-0

Аннотация

Как некрасива она была в детстве – и как стала прекрасна, когда повзрослела! Даже веснушки, за которые ее дразнили в школе, стали одной из примет необычной яркой красоты девушки с необычным именем, звучащим как сценический псевдоним, – Танита Танеева. Казалось, судьба любила ее – исполнялись все желания Таниты. Она захотела быть актрисой – и стала ею, актрисой востребованной и даже культовой. Дважды выходила рыжеволосая красавица замуж – и оба мужа боготворили ее. Сейчас рядом с Танитой был новый мужчина, верный друг и страстный любовник. Но одно ее желание до сих пор не исполнилось, обожаемый ею еще со школьной скамьи Серж Мельников так и не принадлежал ей. Это желание продолжало жить в страстном сердце актрисы, а нет ничего опаснее неутоленной страсти...

Татьяна Тренина

Страсти по рыжей фурии

* * *

Когда мой отец впервые увидел меня, он произнес свою коронную фразу: «Я тут ни при чем!» – и свалился в обморок.

Нельзя сказать, что папочка мой был человеком нервным и особо чувствительным, скорее даже наоборот – мало что могло вывести его из обычного благодушного состояния. Самым главным для него было то, чтобы к нему приставали как можно реже и не взваливали на него никакой ответственности. На моей матери он женился только потому, что она ждала ребенка, а негодяем, при всей своей лени, он не был. «Ребенок так ребенок, – философски решил он, – все равно не мне его воспитывать, это дело исключительно женское. Я деньги в дом приношу, и хватит. И не лезьте ко мне...»

Была зима. Меня принесли из роддома и стали разворачивать из всех тех бесчисленных одеял и распашонок, которых не пожалели из-за мороза. Когда мама откинула последнюю пеленку и, очень довольная, засюсюкала над голым младенцем женского пола, отец произнес ту коронную фразу и упал.

Нет, я была его творением, человеческим существом, ко-

торое слепили при непосредственном, самом прямом участии моего папаши, и любой, кто видел меня, мог с полным правом возразить ему: «Ты тут очень даже при чем!» Потому что я была копией своего отца. Правда, во мне некоторые особенности его внешности были во много раз усилены природой и подчеркнуты. Такого бремени вины и даже ответственности он не мог вынести.

Моя мамочка была очаровательной брюнеткой со смуглой кожей – ее родословная уходила корнями в тогда еще братскую республику Молдавию. А папаша был конопатым рыжим мужичком, типичным порождением подмосковной глубинки. Его даже звали Василием, Васькой – как самодовольного кота тигровой расцветки. Еще в роддоме мамочка радостно сообщила ему, что дочка родилась такая же конопушка, как и он сам, а врачи так же весело сказали ему, что ребенок абсолютно нормален и здоров, ручки-ножки на месте, аппетит отличный.

Да, я была абсолютно нормальной. И действительно очень похожей на своего папашу. Я была рыжей и конопатой. Но не просто конопатой: девяносто девять процентов моего тела украшали оранжево-шоколадные, славные такие солнечные веснушки. Если пересчитать, то, наверное, не меньше миллиона их набралось бы. И у меня оказались светло-карие, почти желтые глаза.

Впечатление, произведенное мною на папашу, усугубилось еще тем, что первые несколько дней после рождения я

болела желтухой. Вернее, не болела, и не желтухой, а пребывала в обычном для моего возраста состоянии. Потому что почти все младенцы вскоре после рождения вдруг желтеют на несколько дней без всяких признаков недомогания. Врачи называют это состояние «желтухой новорожденных», и беспокойства оно ни у кого не вызывает, проходит само по себе, без всякого лечения. Но бедный папа этого не знал. Он увидел перед собой ярко-оранжевое, как апельсин, существо с круглыми желтыми глазами, все сплошь покрытое веснушками, – и свалился как подкошенный.

Буквально на следующий день желтуха у меня исчезла, но отец так и не смог до конца прийти в себя. Ощущение собственной вины прогрызло в его душе огромную дырку, тем более что многочисленные папочкины друзья, в основном члены общества «Рыболов-спортсмен», очень способствовали этому. Они не переставая громогласно удивлялись тому, как на свет мог появиться такой конопатый ребенок, и то и дело кололи нежную душу моего папочки высказываниями типа: «Ну ты даешь, Василий!», «Перестарался, брат!» – и прочей чепухой.

Не знаю, недовольство ли собой или нежелание выслушивать удивленные восклицания окружающих побудили его, но через три года отец сбежал в свое дальнее Подмосковье и постарался вычеркнуть нас с мамой из своей жизни, посылая лишь раз в месяц скромные денежные переводы.

Сколько я себя помню, окружающие всегда тыкали в мою

сторону пальцами то удивленно-восторженно, то испуганно, и, где бы я ни появлялась, все взгляды устремлялись в мою сторону. Это всеобщее внимание было тяжким бременем для меня, наказанием, которого я не заслужила, потому что от природы была независимой и серьезной, а также, как и мой драгоценный папочка, хотела только одного – чтобы меня оставили в покое.

Мои внешность и внутреннее содержание находились в непреодолимом противоречии – если снаружи я напоминала яркое, солнечное лето, то внутри у меня вечно царствовала зима, холодная, снежная и бесстрастная, как покрытая снегом равнина.

Такого необычного ребенка, как я, и назвать требовалось как-нибудь особенно. Но мои родители особо долго не думали, ведь бог послал им небольшую подсказку – потому что родилась я двадцать пятого января. Я не стала ни Анжелой, ни Кариной, ни Эвелиной, однако и не получила имени героини пушкинского романа. Родители напряглись и нарекли меня... Танитой. Тем более что где-то на Западе блистала очень модная в то время певица Танита Тикарам. Так совпало, что и фамилия моя являлась производной от моего имени. Танита Танеева – как две холодные белые снежинки, сцепившиеся краешками в ледяном воздухе.

Говорят, многие люди – особенно те, у кого воображение хорошо развито, – представляют себе буквы и даже слова в каком-то определенном цвете. Так вот, мое имя белое-белое

и ни в коем случае не жемчужное, не бежевое, не молочное, не серебристое. В нем совершенно отсутствует всякая матовость – оно как только что выпавший снег в конце января, в обычный зимний день, когда небо покрыто густыми плотными облаками, сквозь которые не может пробиться ни один лучик солнца.

На детских фотографиях я выгляжу вполне симпатичной – без переднего молочного зуба, напряженно улыбающаяся конопатая мордашка, огромные банты в тощеньких косах. Словом – вполне обычный ребенок.

Меня, конечно, здорово дразнили за мои бесчисленные веснушки. Помнится, однажды на приеме в поликлинике доктор велел показать мне язык. И, как оказалось, вовсе не для того, чтобы осмотреть мое горло.

– Надо же! – сказал потом удивленный врач. – А я думал, у тебя и на языке веснушки.

Но дальше, с течением времени, моя внешность стала претерпевать какие-то странные изменения. Я очень подурнела, как сказали бы в старинном романе, и потолстела. Мама утешала меня, говоря, что все это из-за переходного возраста и что, повзрослев, я снова стану симпатичной. Но тогда на меня подобные уверения очень мало действовали. Вероятно, я сама была виновата в том, что набрала лишний вес, но как тут не растолстеть, когда в школе каждый день дразнят рыжей и конопатой, бесконечно варьируя тех, кого я убила тяжелым садовым инструментом, – от родного дедушки до

завуча, и не утешить себя лишний раз вкусными пончиками, которые продавались как раз напротив моего дома.

Мама пыталась бороться с этой бедой – записала меня на плавание. Плавать-то я, конечно, научилась, но сколько насмешек пришлось услышать от товарищей по секции – несть числа.

Другой не менее неприятной проблемой моего подросткового возраста были волосы. Мало того, что они были неприличного медного оттенка, совсем как тот таз для варки варенья, который висел у нас в кладовке. Они еще и пачкались безбожно быстро и совсем не поддавались никакой укладке. Даже самая простая прическа в виде двух заплетенных кос стремительно расплеталась обратно, банты и заколки падали вниз, под ноги жестоким одноклассникам, а мои ненавистные волосы прямыми, мертвыми, слипшимися прядями продолжали уныло свисать вдоль спины.

Я как сейчас помню себя тогдашнюю – толстая, веснушчатая, с прямыми рыжими косами, криво сколотыми неумолимо съезжающей заколкой, с угрюмым мрачным взглядом. По всеобщему мнению, я была самой некрасивой девочкой класса.

Вы удивитесь, вероятно, почему я так много времени уделяю своей внешности в школьные годы, но мой рассказ именно на этом и построен – на моей внешности, какой она была и какой стала. Я точно знаю, что моя жизнь прошла бы совершенно другим образом, будь на мне поменьше конопу-

шек.

А самой красивой девочкой в школе была Шурочка. Словно в насмешку, она сидела рядом со мной за одной партой, и у каждого, кому не лень, была возможность сравнить нас: меня – мрачное чучело, и ее – чернокудрого ангела со смуглым, покрытым нежным румянцем личиком, с огромными хрустальными глазами итальянской мадонны, с дивными точеными руками, тонкой талией и совершенной формы ногами, которые уже тогда, даже в столь невинном и юном возрасте, сводили с ума всех наших мальчишек, даже тех, кто учился в старших классах. У Шурочки Пинелли дедушка был самым настоящим итальянцем, во время Второй мировой бог весть каким образом оказавшимся в России. Итальянка! Этот факт еще сильнее укреплял ее авторитет признанной красавицы.

Разумеется, у меня в школе были подруги, но почему-то ни одна из них не сидела рядом со мной, хотя в старших классах такие вольности, как выбор соседки по парте, разрешались. У Шурочки была своя компания – несколько девочек, которые считались тоже красавицами, только рангом пониже, и масса поклонников – ее и этих ее подружек. Словом, у нее подобралась большая, веселая и очень шумная компания, которой всегда было о чем поболтать. Они вечно шушукались на занятиях, перекидывались записочками, иногда все вместе сбегали с последних уроков и потом все вместе получали суровый нагоняй от нашей классной руково-

дительницы. Почему Шурочка на уроках предпочитала мое общество обществу какой-нибудь из своих многочисленных подружек – я не знаю.

Шурочка упорно продолжала сидеть рядом со мной, но наши с ней отношения никак нельзя было назвать дружескими. Конечно, я смутно догадывалась, что являюсь для ее красоты очень выгодным фоном, но меня это совсем не трогало. Я считалась зубрилой, синим чулком и будущей кандидаткой в старые девы. Иногда за целый школьный день мы и словом не перекидывались – Шурочка вертелась по сторонам, привлекая внимание поклонников то сзади, то с соседнего ряда, то, привстав слегка со стула, делала знаки особам на так называемой «камчатке». Но, бывало, снисходила и до меня. Странные это были разговоры...

Она разговаривала со мной то высокомерно, как принцесса крови со своей камеристкой, то жалостливо, словно доктор в беседе со смертельно больным пациентом.

Часто бывало так – Шурочка поднимала на меня свои чудесные прозрачные глаза и, трагически морщась, вглядывалась в меня с любопытством и брезгливостью одновременно – и спрашивала что-нибудь в таком роде:

– Таня, а ты не хотела бы подстричься?

Мое полное имя Танита она не признавала – оно казалось ей недостойным меня, потому что было слишком изысканно.

Смысл ее вопроса, судя по интонации, был таким – конечно, конопатое чучело, тебе ничего не подойдет, но за-

бавно было бы посмотреть на тебя стриженую. Со стороны это выглядело как товарищеская забота обо мне, многие, кто слышал Шурочку в такие моменты, искренне считали, что она существо в высшей степени доброе и благожелательное. Именно так – при всем своем высокомерии она никогда не была груба со мной. Ее абсолютно не в чем было упрекнуть!

– Мне не пойдет, – безразлично отвечала я.

– Ох... – Она вздыхала тяжело, словно на ней лежал тяжкий труд хоть как-то облагородить мою внешность, и тут же предлагала новую идею: – А что, если попробовать замазать веснушки тональным кремом?

– Я пробовала, – коротко отвечала я. – Не замазываются.

– Может быть, ты каким-то не тем кремом пользовалась? – осторожно интересовалась она. – Я могла бы принести свой, французский, очень хороший...

Это были как раз времена всеобщего дефицита, конец восьмидесятых, когда даже молоко продавалось не во всяком молочном магазине. Кажется, Шурочка предлагала крем не от щедрости – просто она хотела подчеркнуть свои возможности, которых у меня, дочери разведенных родителей, увы, не было.

– Я не хочу. У меня и так кожа лоснится.

Она наклонялась и спрашивала как-то вкрадчиво:

– Голубушка, а ты хорошо знаешь, как надо за лицом ухаживать?

Самым противным из этих разговоров было то, что потом

она обсуждала со своими многочисленными подружками (я сама как-то случайно слышала) мою непроходимую тупость в области косметики и гигиены.

Я даже не пыталась расположить Шурочку к себе, сделать ее чем-то вроде подруги хотя бы на время школьных переменок, потому что твердо знала – «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань».

Но у меня была одна тайна. Нечто, что нас сближало, прекрасную Шурочку и меня. Мы с ней любили одного и того же человека...

Юношеская любовь – как болезнь. Ее надо просто пережить, она проходит вместе с возрастом, но вирус влюбленности навсегда остается в человеке, как вирус герпеса, простудной лихорадки на губах, – однажды попав в организм, он инфицирует его навсегда, незаметный, невидимый, проявляясь только во время болезни.

Мои чувства к Сереже Мельникову – Сержу, как претенциозно называли его в классе, – были абсолютно безнадежны. Во-первых, он был сыном дипломата, работавшего в какой-то загадочной африканской стране, поэтому одеждой и всем прочим здорово выделялся среди небогатых детей разваливающегося совка. Во-вторых, он был высок, строен, изящен и безукоризненно вежлив – недаром его называли именно Сержем, а не плебейской кличкой Серый, как прочих его тезок. Он был так вежлив и вместе с тем так бесстрашен, что его уважали самые отпетые хулиганы нашего района. И даже

учителя в школе не придирались к его роскошной, до плеч, русой шевелюре, ибо его утонченно-скужающая улыбка всякого ставила на место.

Шурочку просто трясло от одного его вида. Не раз я замечала: стоило герою ее романа появиться, как она впадала на несколько мгновений в какое-то молчаливое неистовство – бледнела, краснела, вещи падали из ее рук, она задыхалась, словно горло ее перехлестывала тугая петля. А потом вдруг блаженное расслабление преображало ее всю, она становилась еще более хорошенькой, что каждый раз вызывало во мне грустное недоумение – почему же меня любовь не способна преобразить в лучшую сторону?

Если б Шурочка в созерцании своего кумира не забывала обо мне на некоторое время, то она бы непременно заметила, что и мне становится не по себе от одного вида Сержа Мельникова. Наверное, ей даже в голову не приходило, что я тоже осмеливалась любить этого юношу.

В последнем, десятом, классе у них был самый настоящий роман, за которым с умилением и завистью наблюдала не одна учащаяся нашей школы центрального района города Москвы.

Он приносил ей цветы прямо на занятия. Он провожал ее после школы. Они вели бесконечные беседы на переменах. Его высокая фигура трогательно склонялась над изящным Шурочкиным силуэтом, легкие прикосновения руки к руке – все невинно, целомудренно для тех времен полного

беспорядка в мозгах и неожиданно свалившейся вседозволенности, но вместе с тем так страстно, что от них даже как будто летели искры в разные стороны. У них была красивая любовь.

Я не знаю, как они проводили свободное время, но однажды мне удалось увидеть эту парочку в соседнем от школы кафе. В кафе и прочие заведения такого рода я тогда заходила редко, да и не с кем было. Но однажды меня разобрала мучительная жажда после занятий плаванием – это было единственной причиной, по которой я заглянула в эту самую «Ромашку» рядом со школой. До дома бы я просто не доползла.

Ни на кого не глядя, я купила два стакана апельсинового сока и села в самый темный угол, не желая привлекать к себе внимания. И вдруг увидела за соседним столиком их...

Облокотившись на руку, он с улыбкой смотрел на нее, а она рассеянно водила пальчиком по краю бокала и что-то тихо говорила. На Шурочку я мало обратила внимания, даром что она была в прелестном, новом, канареечного цвета свитере, дивно оттеняющем ее смугловатое личико, – в основном я глядела на него.

Он был так хорош, такая бесконечная преданность исходила от него, что я едва не сошла с ума – от зависти к Шурочке или от чего-то другого, не знаю. Больше всего на свете я хотела быть на ее месте. Если б мне сказали – один вечер провести вот так, рядом с Сержем Мельниковым, а на сле-

дующий день умереть, я согласилась бы не раздумывая.

Допив свой сок, я пришла домой и прямо в одежде свалилась на диван. Битых два часа – до прихода мамы – я пялилась в потолок и твердила как ненормальная – «он будет моим, он будет моим, он будет моим...».

А дальше начали происходить какие-то странные вещи. На следующий день стало известно, что Шурочка поссорилась с нашим принцем. Я об этом сразу догадалась – она сидела рядом вся потухшая, такая печальная, словно у нее все родственники разом умерли, и не оглянулась, когда в класс вошел Серж. И на перемене они были не вместе. Шурочка даже не приставала ко мне с обычными высокомерными вопросами. Бесконечно печальным голосом она попросила списать у меня алгебру – и только.

– Знаешь, Танюша, – правда, потом добавила она, – я не сильна в точных науках. Для девушки это простительно.

Я чуть не упала от этой «Танюши».

Дальше события развивались совсем уж невероятным образом.

После уроков ко мне подошел Мельников и предложил прогуляться. Даже более того – рискну предположить, что он минут десять ждал меня у выхода, поскольку это время я проболтала с кем-то из девчонок.

– Отлично, – дребезжащим голоском пролепетала я, стараясь вести себя как можно естественнее. – А куда мы пойдем?

– А просто куда глаза глядят! – махнул он рукой куда-то в сторону. Он был так мил и так нежно, беспомощно улыбался, что мне хотелось разрыдаться от счастья. Иногда я себе позволяла верить в чудеса, и этот день был именно такой – я верила, что в незримой борьбе сумела победить Шурочку.

Была середина апреля – совсем тепло, город дышал предчувствием скорого лета, долгих светлых вечеров, в воздухе пахло набухающими почками, оглушительно звенели трамваи, как соловьи в Подмосковье. Наверное, Сережка Мельников тоже все это ощущал, потому что после долгого молчания он сказал мне:

– Знаешь, в такой день надо гулять именно с такой девушкой, как ты.

– Почему? – вздрогнув, спросила я.

– А ты сама как весна. У тебя ведь веснушки даже зимой не пропадают?

– Да, – вяло согласилась я. – Правда, становятся немного бледнее...

Мы помолчали немного, а потом он стал мне рассказывать, как в детстве два года жил с родителями в Кении и как красива Африка.

– Ты куда пойдешь после школы? – неожиданно осмелилась я.

Все одноклассники уже давно решили, куда им податься, но о его решении я не знала ничего. Странная мысль посетила меня...

– Само собой – в МГИМО. У меня отец тоже там учился.

– А это сложно?

– Что сложно?

– Поступить туда?

– Да как сказать... У меня, разумеется, есть связи, – произнес он гордо.

Сердце у меня екнуло – вряд ли я сумею поступить в такой вуз, там у меня связей не было. Впрочем, у меня их нигде не было.

– А если хорошо вступительные экзамены сдашь, то примут?

– Кого примут?

– Ну, я вообще, про обычных людей...

Он засмеялся, совсем не зло, и я поняла окончательно, что дипломатом мне не стать. Решение ушло так же стремительно, как и появилось, я просто не знала, какие есть еще способы остаться рядом с этим человеком. Два месяца – и все, школа закончится, больше я его никогда не увижу!

– А ты куда решила?

– Я? – Я растерялась. – А ты бы что посоветовал?

– Господи, да я ж тебя совсем не знаю! – Он опять засмеялся, пристально вглядываясь в мое растерянное лицо. – Но ты славная.

– А говоришь – не знаешь, – позволила я себе быть язвительной.

– Нет, правда, я бы с тобой дружил, если бы...

– Если бы что? – Я сразу вспомнила о Шурочке.

– Если бы дружба между мужчиной и женщиной была возможна, – отвертелся он. – Кстати, как там твоя соседка по парте поживает?

И тут я поняла, что Сержу было абсолютно на меня наплевать, что всю эту прогулку он затеял с одной-единственной целью – разузнать что-нибудь о своей разлюбленной Шурочке, и с этого дня решила больше никогда не верить в чудеса.

– Мне домой пора, – мрачно сказала я.

– Я тебя провожу?

– Вот еще! Я соседей стесняюсь.

– Ну, как знаешь...

До выпускных экзаменов мы потом едва перекинулись парой-тройкой ничего не значащих фраз, так – «привет-пока», ничего особенного. А вот Шурочка пересела от меня к Мельникову. Они довольно быстро помирились и с тех пор не расставались. Кое-кто в классе даже поговаривал, что они собираются пожениться, едва только достигнут совершеннолетия.

Но это безумие, эта липкая зараза – первая любовь – покинула меня еще не скоро, и часто в ночных сновидениях ко мне являлся Сережа Мельников и, взяв за руку, ласково говорил о чем-то... Позже я поняла, что он действительно ко мне хорошо относился и видел во мне нечто большее, чем обычную девочку-дурнушку, в его отношении ко мне было больше подбадривающего интереса, чем жалости. По-

сле школы я ничего не знала о нем. И о Шурочке Пинелли тоже – они были совсем из другой компании, к которой я не принадлежала, и хороших общих знакомых у нас не было – тех, от которых я хоть что-то могла узнать о своей первой любви.

Смутное воспоминание прошедших лет... В шумном школьном коридоре Шурочка болтает с кем-то из своих знакомых, она весела, приветливая улыбка говорит о ее хорошем настроении, прелестный персиковый румянец разливается по щекам. Она неожиданно вздрагивает и, повернув голову, находит меня взглядом среди пестрой толпы и долго, пристально, неподвижно смотрит. До тех пор, пока румянец не исчезает с ее щек. Этого взгляда я до сих пор понять не могу – в нем любопытство и брезгливость одновременно. Чем же был вызван этот почти болезненный интерес к моей скромной особе?

В восемнадцать лет я неожиданно для всех и для себя в первую очередь выскочила замуж. Именно выскочила, а не вышла, ибо времени, для того чтобы подумать как следует, у меня было предостаточно. Я не боялась, что в будущем мне больше не сделают предложения, – нет, и не стремилась к замужеству как к таковому. Я еще не хотела в то время детей, сама будучи почти ребенком, особенно если учесть то, что творилось в бедной моей голове. Просто мне страшно хотелось самоутвердиться, доказать всем, что я не такая уж дурнушка.

Мой муж был старше меня ровно на пятнадцать лет и страстно влюблен. Он обожал пухленьких юных девушек и был без ума от веснушек. Он чуть ли не каждый день таскал мне цветы, словами и делом доказывая свое обожание, – пока в конце концов я не подвергла его чувства тщательному анализу.

И обнаружилась странная вещь – он любил не меня. Нет-нет, в измене его никак нельзя было обвинить, но он действительно любил не меня, а какого-то другого человека во мне. И человека ли? Он был без ума от пухлой, рыжей, от волос и до кончиков пальцев веснушчатой юной женщины, с которой даже говорить было вовсе необязательно. Он видел во мне яркое солнце, чувственную весну, тающий снег и лопающиеся почки, а я... я была совсем не тем, чем казалась. Холодный, пасмурный день двадцать пятого января, тот самый день, в который я родилась, решил мой характер, а значит – судьбу.

Мой муж был директором магазина «Драпировка», что скрывался в одном из центральных московских переулочков. Место по тем временам не слишком престижное, да и ассортимент товаров желал лучшего, но жили мы очень неплохо, что касается материальных благ, видимо, у мужа были какие-то секреты в работе. Впрочем, торговля была мне бесконечно неинтересна, кроме того, что покупала я сама себе.

Все мои подруги мне завидовали, в один голос твердили, что мне страшно повезло, что еще поискать надо такого лю-

бящего мужчину, как мой супруг, что он с меня пылинки сдувает, и прочее, чего одиноким женщинам обычно дико недостает. В чем-то они, конечно, были правы, но так скучно ощущать себя только экзотическим существом с экзотическим именем, и я страшно тосковала в своем первом браке, потому что поговорить нам с мужем было совершенно не о чем.

– Пышечка моя, пампушечка! Веснушечка моя! – с такими словами влетал он обычно в дом после работы и принимался меня смачно целовать, так что даже соседи в стенку стучали, поскольку дом был типовой, с фанерными перегородками.

Поначалу это очень удовлетворяло мое самолюбие, но потом дико надоело. Я стала худеть. Специально я ничего не делала, вес терялся как-то сам собой, видимо, стоило мне понять, что толстых женщин тоже любят, и не менее страстно, чем прочих красоток, как комплекс собственной неполноценности у меня моментально исчез. Чем сильнее умолял меня супруг не худеть, тем неотвратимее испарялись лишние килограммы. Хотя, может быть, сбылось давнее мамино предсказание – повзрослев, я снова стала нормальной.

Да, нормальной – что касается моего силуэта, в остальном же люди продолжали тыкать в меня пальцами, то восхищенно, то удивленно. Я понимала, что с моими веснушками мне существовать до конца жизни.

Когда же я поступила в театральное училище, на моем

браке пришлось поставить крест. Кажется, в первый раз муж обратил внимание на меня как на человека – с того самого момента, как побывал на одном из студенческих спектаклей. Нашим курсом руководил один известный в прошлом актер, очень талантливый человек, который променял свое ремесло на зеленого змия. Но несколько раз в неделю он находил в себе силы и появлялся в училище, чтобы помочь всем желающим выразить себя на сцене. Поистине христианское желание, потому что, несмотря на свой порок, он был человеком талантливым и молодежь его обожала. Он уже нигде не играл и не снимался, но как учитель был просто великолепен – язвителен и точен, ни одна мелочь не могла ускользнуть от его внимания.

Я не собиралась всерьез становиться актрисой, просто мне было интересно узнать свои возможности. После того как возникло и тут же лопнуло подобное мыльному пузырю желание стать дипломатом, никаких других желаний у меня не возникало.

Вообще я долго не могла прийти в себя от удивления, когда меня приняли в этот вуз, где конкурс считался одним из самых огромных. При поступлении я видела рядом с собой множество красивейших девушек, которые не шли ни в какое сравнение со мной. Их классические «девяносто-шестьдесят-девяносто» буквально подавили меня. Девушки смотрели гордо и с достоинством, правда, с каждым следующим туром гордость их таяла, как и их число. «Недостаток актрис

на характерные роли!» – зашушукались они, поглядывая на меня с завистью, потому что метили только в героини. Я была – для характерных ролей. Но я не особенно надеялась, что поступлю, и прочитала комиссии басню «Лиса и виноград» с ледяным презрением ко всем тем, кто толпился в тот момент в коридоре, снедаемый честолюбивыми желаниями. И меня приняли.

«Валькирия! Вагнер! Ирландские саги! – с восторгом завопил, обсуждая мою кандидатуру, о чем я узнала несколько позже, один известный режиссер, сидевший в комиссии. – В нашем сценическом пространстве не хватает ведьм!» Ему тут же возразили, что ведьм очень даже хватает, на что он ответил, будто я – ведьма природная, что называется – от сохи, а все прочие – просто стервозные женщины.

Так вот, на один из учебных спектаклей пришел мой муж – я как раз играла леди Макбет в пьесе Шекспира. Старый актер, руководивший нашим курсом, так и заявил перед постановкой: «А эта рыжая бестия будет у нас самой главной злодейкой!»

Насколько я поняла по реакции зала, в основном заполненного родственниками и друзьями участвующих в спектакле, а также студентами других курсов, я играла довольно прилично. Я не форсировала голос, не делала никаких зловещих движений, я была мила и очаровательна – так решил наш Мастер. Я пугала зрителей своими любовью и честолюбием, свойственными каждой женщине, просто в своих ам-

бициях я, леди Макбет, зашла слишком далеко...

«Любовь... О! Это страшная сила! – вопил Мастер на прогонах, ругая нас всех почему зря. – Помните – любовью можно убить... Танита, покажите мне любовь!» Я вспомнила Сержа Мельникова и показала эту самую любовь. Даже лорд Макбет, которого играл Виталька Апельсинов, позже уехавший в провинцию, был подавлен.

Мой муж сидел в первом ряду. Подозреваю, он имел очень смутное представление о Шекспире и поэтому просмотрел начало спектакля с весьма заинтересованным видом. Но чем дальше, тем пристальней всматривался он в меня, тем реже хлопал в ладоши, тем непроницаемее становилось его лицо. Я в роли леди-убийцы напугала его! Кажется, именно тогда он впервые задумался о моем внутреннем содержании, тем более что внешняя, построенная форма уже мало привлекала его.

– Я боюсь тебя, – признался он мне через несколько дней. – Ты холодная и злая.

– Я не злая.

– Нет, злая!

Он едва не плакал, словно маленький мальчик, у которого отняли его любимую игрушку. Не знаю, то ли я действительно хорошо сыграла леди Макбет и мой муж, человек довольно простоватый, идентифицировал меня с этим злоеющим образом, то ли он наконец почувствовал, что я совсем не та солнечная весенняя женщина, которой ему до сих пор

казалась.

Мы разошлись на удивление мирно, тем более что мой муж благородно купил мне небольшую квартиру в том же районе, где я жила до замужества. К тому же развод ничуть меня не угнетал, хотя расстались мы с мужем на пике его экономического подъема.

Итак, я успешно окончила училище, снялась в эпизодах нескольких фильмов, и меня пригласил в свой театр один довольно молодой, но очень перспективный режиссер. Многие мои однокурсники рвались в именитые, центральные театры, хотя особых перспектив у них не было, другие изо всех сил пробивались в кинематограф, я же от честолюбия не страдала, потому что мысли мои продолжало занимать прошлое.

У меня появились поклонники, и один из них, самый настойчивый, вскоре стал моим вторым мужем. О нет, вторым моим мужем был не актер – однополярные заряды отталкиваются, – но и не обычный зритель, который сидит по ту сторону рампы, – противоположности не сходятся.

Моим вторым мужем был писатель. Познакомились мы с ним очень просто – он был автором, по чьей пьесе мы как-то ставили спектакль.

Пьеса была настолько жестокой мелодрамой, что ее не решился бы поставить ни один известный театр, разве что только как пародию на мыльные сериалы. Но наш режиссер заявил, что видит в этом творении апофеоз постмодернизма. О постановке даже напечатали в газете, правда, больше об-

ругали, чем похвалили. Вроде того, что постмодернизм сейчас на последнем издыхании. Моя роль была откровенно отрицательной, и в статье героиню, которую я играла, называли «мрачной рыжей ведьмой с экзотической внешностью». На черно-белой фотографии со смазанной типографской краской я выглядела ужасно.

Впрочем, все это – не имеющая отношения к делу лирика, а главное в том, что молодой, подающий надежды писатель Антон Тарабакин втрескался в меня по самые уши.

Он сразу переселился в мою однокомнатную квартиру, поставил на кухне обшарпанный «Пентиум» – впустить компьютер в единственную комнату я не позволила, поскольку Тарабакин во время работы дымил как паровоз и непрерывно пил кофе, в порыве творческой экзальтации заливая все вокруг себя черной гущей, – и слезно стал требовать, чтобы я взяла его фамилию. На эту его просьбу я не откликнулась, поскольку не меняла ее и в первом браке. Танита Танеева – очень хорошо, просто и со вкусом звучало. Кстати, многие хвалили меня за то, что я придумала себе очень удачный актерский псевдоним.

Я называла своего благоверного просто – Тарабакин. Дело в том, что когда он писал свои «нетленки», то всегда перед названием выводил – А. Тарабакин, и мое обращение к нему каждый раз являлось напоминанием о его профессии.

Мой второй брак выглядел со стороны тоже вполне счастливым, ибо Антон Тарабакин обладал способностью очень

хорошо слушать собеседника. Что еще надо актрисе, измученной частыми перевоплощениями? Если мне хотелось излить душу, он всегда с готовностью шел мне навстречу.

У него был целый цикл рассказов, посвященных театру, — благодаря мне. А когда я делала ремонт в нашей квартире — вернее, руководила группой разбойников, перекладывавших паркет и беливших потолок, — то столкнулась с немалыми трудностями, о чем плакалась Тарабакину каждый вечер. После ремонта мы устроили вечеринку, на которой заодно отмечался и новый шедевр молодого гения — пьеса «Хозтовары». Потом я очень долго ловила жулика, воровавшего в нашем подъезде газеты, — получился рассказ «Уголовное дело», который напечатали в литературном приложении к газете «Гудок».

Тарабакин обладал удивительной способностью любое реальное событие облечь в художественную форму, сделать из примитивной бытовой сценки детектив. Помню, как я была поражена, когда после одного вечера, во время которого я с воодушевлением рассказывала ему о своем папаше, родилась убийственная пьеса «Последний вздох». В полном смысле убийственная — столько в ней было слез и трагизма. Сюжет был очень прост — умирает пожилой мужчина, а родная дочь не хочет прийти к нему на последнее прощание, потому что когда-то этот человек предал ее мать и ее саму. Мой отец не умирал, да и я не собиралась отказываться от встреч с ним, но после прочтения шедевра Тарабакина я ры-

дала всю ночь и поклялась найти своего папочку, в каком бы дальнем Подмоскovie он ни обретался, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

Да, безусловно, с Тарабакиным мне было интересно, и я бы очень счастливо прожила с ним до конца жизни, если б им не овладела одна очень странная идея. Тарабакин забросил свои мелодрамы и засел писать внушительную эпопею «Конец века». Это был, на мой взгляд, очень скучный и длинный роман о двадцатом веке, в котором Тарабакин подводил итоги прошлого – на экране компьютера то и дело мелькали имена Ленина, Распутина, Сталина, еще кого-то. Весь дом был завален книгами по истории, скучными монографиями, старыми журналами – мужу необходимо было досконально изучить материал. За будущий свой шедевр он собирался получить Нобелевскую премию!

Честное слово, когда он поведал о своих тайных планах, я вначале не поверила, сочла словосочетание «Нобелевская премия» обычной метафорой, но дело оказалось очень серьезным...

Вы никогда не жили рядом с человеком, который собирается получить самый главный приз в мире? Я, например, к призам никогда не стремилась, вполне довольная аплодисментами зрителей. Но Тарабакин решил получить приз. О, это такая мука! Для его близких, разумеется. Я честно пыталась стать родной матерью Тарабакину, была кухаркой и уборщицей в одном лице, с трудом совмещая все это со своей

работой. Поскольку помощи от него не было никакой, я честно ходила в магазины и библиотеки – в одной руке картошка, в другой – книги для благоверного. Но врожденный эгоизм во мне стал постепенно убивать мое сознательное благородство. Я была валькирией, героиней ирландских саг, но при всем своем желании я не могла быть декабристкой.

Мне часто вспоминалось мое несчастливое детство. У меня было такое впечатление, что наступило мое время – раньше была мода на женщин совсем другого типа, теперь же – чем невероятнее, тем лучше. Стоило посмотреть показы мод по телевизору – подиум оккупировали странные создания с мрачными стервозными лицами, экзотика была на грани уродства, и самым шиком являлось трепетание на этой самой грани, изящество и грубость сливались в одном тесном объятии, ни одной лубочной красотишки прошлого.

Я бы, вероятно, тоже пошла в модели, если бы судьба не привела меня на актерскую стезю, но, к сожалению, рост у меня был самый что ни на есть средний, да и пара лишних килограммов остались, с которыми мне самой было жаль расставаться. Для модели я была ленива к тому же...

Я не могла объяснить себе, почему вдруг из гадкого утенка превратилась в лебедя. Скорее всего потому, что в моду вошли именно гадкие утята. Я совсем немного изменилась по сравнению с тем, какой была в ранней юности, внешне, но внутренняя моя сущность осталась прежней. Так же, как и раньше, я обманывала людей: я была другой, мои веснушки –

маска, скрывающая настоящее лицо, лицо холодного равнодушного человека. Актрису должна волновать только сцена.

С Тарабакиным пришлось расстаться, как ни грустно мне было это делать. Но он всерьез увлекся своим великим романом, и окружающее его уже очень мало трогало. Он стал далеким-далеким, и когда глядел на меня за ужином, который я почти насильно впихивала в него, кажется, глядел насквозь, куда-то далеко, в грандиозные дали, а мне невыносимо было ощущать себя Коломбиной из балаганчика.

Я помогла ему переехать обратно, в его старую коммуналку, – он не возражал.

– Ты не забывай обедать, Тарабакин, – сказала я ему на прощание.

– Ладно, – равнодушно ответил он, листая в руках очередной манускрипт. Потом наконец до него дошло, что он с женой расстанется, и только тогда взглянул на меня осмысленно, сфокусировав свой взгляд на моем печальном веснушчатом личике.

– Танечка, а ты в меня веришь? – вдруг спросил он.

– Что? – не поняла его я.

– Ну, ты веришь, что я напишу грандиозный роман?

– Да, – ласково улыбнулась я. – Да, конечно.

– Я посвящу его тебе... Я никак не ожидал, что актрисы могут быть столь самоотверженны! Ты правда в меня веришь?..

Не могла же я ему сказать, что не верила. Что не может

быть великого писателя с такой фамилией, как у него. Антон Тарабакин – Нобелевская премия по литературе! Нарочно не придумаете.

Второй развод огорчил меня больше, чем первый. Для поддержания сил я решила поехать в пансионат на Клязьму, хотя время для отдыха было не слишком удачное – март, самая распутица, то мороз, то буйное вешнее половодье. Небо было высоким, солнце – непривычно ярким после туманной зимы, а в ушах – авитаминозный шум, бесконечный и надоедливый, как звук прибоя. Но Москва меня угнетала – с ее весенней грязью, суетой, озабоченными лицами. Я вытребовала себе отпуск у нашего прогрессивного режиссера и уехала.

В пансионате я поселилась одна в довольно приличном «люксе» и все свободное время гуляла, месяя высокими сапогами мартовскую холодную грязь. На третий день моего отдыха ко мне подошел пожилой сердитый мужчина и предложил сфотографироваться.

– Это еще зачем? – пренебрежительно спросила я.

– Для журнала «Поселянка», – коротко ответил мужчина. – У вас типаж очень интересный. Впрочем, как хотите... Вы актриса?

– Да, меня уже снимали – не особенно удачно... Из меня все хотят сделать леди Макбет, даже надоело.

Тем не менее я согласилась – главным образом потому, что этот человек сумел внушить мне доверие. У него было

хмурое, недовольное лицо человека, которого заботил только собственный успех, а я как таковая, как актриса и как женщина, – совершенно его не интересовала.

– Ладно, – сказала я. – Надеюсь, это не займет много времени.

Это заняло все мое свободное время, даром что фотограф приехал в пансионат тоже отдыхать. Он выписал осветителя, декорации, какие-то невероятные костюмы, и я, совершенно забыв о своих планах спокойно отдохнуть, позировала этому жестокому честолюбивому человеку. Я прониклась к нему совершенным доверием – ибо он быстро дал мне почувствовать, что ничего, кроме собственной славы и удачного фото, его совершенно не интересует, позволила наряжать и гримировать себя, снимать в самых невероятных позах и костюмах. В простонародном костюме я сидела на тающем мартовском снегу, а позади меня бродили коровы; я наблюдала вскрывшийся на реке лед; я искала подснежники в пробуждающемся после зимней спячки лесу; полуобнаженная, в каких-то невероятно пестрых, полупрозрачных лохмотьях я валялась на огромном поваленном дубе, содрогаясь от холода, мучаясь от нестерпимо яркого весеннего солнца... Словом, я позволила увлечь себя в самый настоящий ад и даже не заметила, как полностью подчинилась воле раздраженного невеселого человека, который ради удачного фото был готов продать душу дьяволу.

– Кажется, кое-что удалось, – сказал он мне на прощание,

крепко пожимая руку.

– А как я об этом узнаю? – утомленно спросила я.

– Постараюсь поставить вас в известность...

Физически не отдохнув, но зато испытывая необъяснимое моральное удовлетворение, я вернулась в Москву, где меня тут же запрягли в очередную постмодернистскую бодягу, на этот раз названную современным детективом.

Через две недели на мое имя пришел большой конверт. Я разорвала коричневую вощеную бумагу, и на стол передо мной упал апрельский номер «Поселянки». На обложке была я...

Наверное, мой фотограф выбрал из сотни снимков, которые сделал со мной, самый лучший. Но сначала я не поняла этого, в первый момент мне показалось, что я снова попала во времена своей ранней юности, периода безнадежной любви к Сержу Мельникову – когда я подходила к зеркалу и видела круглое конопатое личико, которое не могла улучшить даже самая дорогая косметика.

...На поваленном черном мокром дереве сидела измученная девка – в старом, выцветшем деревенском платье и подозрительного цвета кургузом переднике. На вытянутых вперед ногах с круглыми икрами немислимые чоботы (кажется, именно так называлась эта уродливая обувь). И ноги, и чоботы, и подол – забрызганы жирной весенней грязью, мрачное конопатое лицо обращено к солнцу, ресницы и брови – выгоревшие, белесые, даже как будто седые, а глаза – неверо-

ятно желтого, зловещего, языческого цвета – смотрят прямо на солнце, словно соревнуясь с ним в блеске. И такая мрачная, торжествующая, я бы даже сказала – утробная, сила исходила от этой картины, что у меня даже мурашки по спине побежали...

Я уже говорила о том, что не любила весны, никогда не ассоциировала себя с этим временем года, мне бесконечно мила и приятна была зима, которая полностью соответствовала моему характеру. Но, держа в руках журнал, в первый раз я задумалась о том, что фотограф, возможно, был в чем-то прав, когда увидел меня в образе пробуждающейся природы, конопатой, хмурой, животно-чувственной.

Я отложила журнал в сторону и с тоской предалась воспоминаниям о прошлом. «А ведь я никого не любила, – призналась я сама себе. – Никого, кроме того мажорного мальчика с русыми волосами, который был без ума от Шурочки Пинелли...» Где он сейчас, где она? Наверное, они уже сто лет как женаты и уже надоели друг другу со своей романтической любовью... Злость разбирала меня от того, что Серж, юноша, в общем-то, со вкусом, не мог разглядеть тогда во мне той особенной силы, которую опытный старый фотограф увидел сразу и которую вынес на обложку журнала – как эталон ранней весны...

Фотография в «Поселянке» преподнесла мне неожиданный сюрприз. Меня вдруг стали узнавать на улицах, хотя нечто подобное случалось и раньше, пусть не столь часто. Не

только театральная публика, но и добродушные тетеньки и стильные молодницы – читатели женских журналов – подходили ко мне на улице и просили автограф. А главное – на меня посыпались письменные и устные предложения руки и сердца от сильной половины человечества.

Я смутно догадывалась, с чем это связано, – слишком уж чувственен был мой образ на обложке журнала. Что, как мне кажется, не вполне соответствовало действительности. Мне звонили, меня ловили на улице какие-то озабоченные субъекты, предлагая то руку и сердце, то простенько, но со вкусом – обещание волшебной ночи, то прочую дребедень, от которой нормальную женщину тошнит.

Режиссер меня обругал. Сказал, что он не давал мне разрешения сниматься во всяких там женских журналах, что ему не нравится такая трактовка моего образа, но тем не менее стал ко мне внимательнее приглядываться...

Через месяц-другой поток обожателей значительно уменьшился. Ко мне перестали наконец подбегать на улице и просить автограф, и только иногда я слышала за спиной: «Глядите! Кажется, известная актриса прошла...»

Как-то однажды я осмелилась одеться в очень открытое коротенькое платье – как раз для такой невыносимо жаркой погоды, которая обрушилась на Москву.

...Я давно уже не комплексовала по поводу своей внешности, но надеть подобное платье – на тоненьких бретельках, когда обнажены плечи, грудь, руки и ноги до середины

бедра, – было для меня подвигом. Поскольку все вышеперечисленные открытые на всеобщее обозрение части тела были сплошь покрыты веснушками. Мои веснушки не отбеливал ни один импортный крем, они слегка бледнели на несколько дней, а потом наливались прежним ярким светом, особенно в такую погоду, когда солнце жарило немилосердно...

Итак, я почувствовала себя настолько уверенной, что оделась в это легкое золотисто-коричневое платье, в тон моим бесчисленным веснушкам, и вышла в город. Клянусь, во всей Москве нельзя было найти второй похожей на меня женщины!

На меня оглядывались с изумленными улыбками, дети показывали пальцами... Какой-то турист, похоже – японец или кореец, долго шел за мной следом, снимая меня на видеокамеру, кланяясь и лопоча что-то восторженное, потом отстал, затерявшись в шумной толпе, которая бурлила на Манежной.

Я шла на свидание...

Я шла на свидание с человеком, которого еще в глаза не видела. Я даже не знала его имени. Встреча с незнакомцем была чистым безумием – он написал мне письмо, узнав адрес в редакции того журнала, где была напечатана моя фотография. На подобные призывы я вообще-то не откликалась. С поклонниками расправлялась очень лихо: письма рвала, телефонные трубки бросала, особо нахальным, пристававшим на улице, при случае могла заехать и по физиономии – рука

у меня была тяжелой, безжалостной, я не испытывала страха перед тем, что зарвавшийся поклонник может дать и сдачи. Словом – голову не теряла.

Но это письмо я не могла оставить без ответа. Едва прочитав первые строчки, я поняла, что должна встретиться с человеком, его написавшим. Спустя несколько лет после безнадёжной юношеской любви я ощутила, что нечто подобное ждет меня рядом с ним. Я почувствовала, что вновь готова влюбиться, влюбиться по-настоящему... Два своих предыдущих брака я не считала – это были союзы, заключенные совсем по иным причинам, нежели страсть. Я была очень благодарна и признательна своим бывшим мужьям, но настоящей любви я к ним никогда не испытывала. И вот теперь наконец нечто похожее на настоящую страсть вновь привиделось мне. Как в юности.

В маленькой сумочке-кошелечке лежало письмо, и я, пока шла, с невольной улыбкой вспоминала строчки из него.

«...Маленький праздник, которого не ждешь. Я увидел Ваше лицо и купил журнал, хотя для меня было странным покупать женский журнал, тем более ради фотографии на обложке...

...Напомнил мне один рассказ, прочитанный в юности, кажется, писателя Ивана Бунина. Я точно помню – он назывался «Солнечный удар». Нечто подобное испытал и я – словно солнце обрушилось на мою голову, ослепило, оглушило, заставило забыть обо всем прочем. Теперь для меня нет ниче-

го в мире, кроме Вас.

Красивые слова говорятся легко и быстро забываются, но если б Вы знали, сколько мук доставило мне это письмо... Я изорвал тонну бумаги, прежде чем смог написать эти строчки... Я хочу сделать Вам подарок, вернее, должен это сделать, ибо подарок не совсем обычный – его зовут Луи, он светло-рыжего, почти розового, персикового окраса, с круглыми желтыми глазами, которые позволяют говорить о некоей мистической связи между ним и Вами, чрезвычайно любознателен и добр...»

Битых две страницы незнакомец расписывал достоинства этого Луи и то, что существо должно принадлежать мне, и только мне, пока я наконец не вычитала, что Луи – котенок. Забавно – мне хотели подарить котенка! Это было очень не похоже на то, что предлагали другие – золото, бриллианты, кругосветные круизы, словом, всю ту ерунду, в которую не веришь, понимая, что за всем стоит одно-единственное желание – трахнуть тебя. Грубое слово, но, надеюсь, оно будет последним на этих страницах.

В конце своего объемного послания незнакомец приписал, что будет ждать меня в такой-то день в таком-то часу возле фонтана с конями на Манежной площади. «...Если Вы не придете, я буду знать, что послание мое оказалось ничемным, а подарок – ненужным. Я больше никогда не побеспокою Вас, позволив себе только одно – оставлю у себя Вашу фотографию...» – и так далее в таком же духе. Подписать,

как я уже говорила, незнакомец забыл. Или не захотел.

Это было очень милое послание, и я не могла не откликнуться. Кроме того, разыграло врожденное любопытство – до смерти вдруг захотелось увидеть его автора. Если он такой, каким вырисовывается между строчек его образ, то он, должно быть, милый, немного сентиментальный молодой человек... Правда, в дальнем уголке моего мозга прятался другой вариант – старый уродливый сластолюбец, который просто умеет хорошо писать. Но о плохом я никогда не любила думать заранее.

В центре шумная толпа подхватила меня, завертела – это было место, куда люди пришли не только посмотреть площадь с огромным подземным городом, но, что не менее важно, и себя показать. Я сразу почувствовала себя чуть ли не рядовой, самой обычной гуляющей, потому что вокруг дефилировали такие красотки, такие странные, невероятно одетые личности... Словно в каком-нибудь Нью-Йорке, где молодежь одержима желанием выпендриться.

Не без замирания сердца я пробралась сквозь пеструю толпу к фонтану. Летели брызги, щелкали фотоаппараты, звучала иностранная речь... Растерявшись, я огляделась – как среди толпы увидеть своего незнакомца, как угадать его? У меня была надежда, что он сам узнает меня, и я уже было приготовилась спокойно ждать того момента, когда он подойдет ко мне, но... Я вдруг случайно выхватила его взглядом из толпы.

Это был точно он – среднего роста молодой человек в светлом летнем костюме, с тщательно уложенными короткими темными волосами. Так тщательно могли причесать и замазать гелем волосы только в парикмахерской. Что это именно тот, кто написал мне письмо, можно было не сомневаться. В руках он держал маленькую клетку, в которой обычно переносят животных, и в клетке кто-то был...

Молодой человек вздрогнул, встретившись со мной взглядом. Несколько минут мы молча смотрели друг на друга.

Нас разделяло довольно большое расстояние, но мне не хотелось первой делать шаг навстречу, и я соображала, стоит ли вообще знакомиться с этим любителем животных, потому что какое-то непонятное разочарование охватило вдруг меня. Чего я ждала – не знаю. Не в моем возрасте и не с моим опытом двух развалившихся браков искать неземную страсть, но какой-то смутный образ постоянно витал у меня в голове, образ, сильно смахивающий на мою первую любовь... Он же медлил, потому что непонятная робость сковала его – он бледнел и краснел, даже раз облизнул пересохшие губы. Потом наконец решился. И подошел.

– Это вы? – спросил он. Голос у него был довольно приятный – мягкий, чуть хрипловатый.

– Наверное... – Я улыбнулась и решила: если через пятнадцать минут мне не станет интереснее, уйду.

– Дмитрий, – представился он. – Это я вам написал письмо.

– И забыли поставить свое имя, – упрекнула я. – Как вы нашли мой адрес?

– Случайно. У меня есть знакомый, который знаком с Генри Игоревичем.

Генри Игоревичем звали того фотографа из пансионата.

– Таня, вы только не подумайте ничего такого...

– Да я пока ничего и не думаю.

– ...но я действительно решил встретиться с вами не только потому, что мне очень понравился ваш портрет в журнале.

– Хотите подарить зверюшку? Это кто там, в клетке, – Луи?

– Да. – Он вздохнул облегченно.

Молодой человек открыл крышку и достал крошечного котенка, кажется, довольно породистого, судя по его курносой персидской мордашке. Впрочем, я не особенно разбиралась... Луи был действительно удивительным: правда, с огромными желтыми глазами и очень интересной расцветки – какого-то розоватого оттенка. Я прижала к себе теплый пушистый комочек, который пискнул у меня в руках возмущенно, и сказала не раздумывая:

– Беру.

– Может быть, где-нибудь посидим, поболтаем? – спросил окрыленный Дмитрий. – Выпьем чего-нибудь прохладительного...

Луи мы засунули обратно в его домик, тут же, в Александровском саду, нашли летнее кафе. Мой новый знакомый за-

казал мне сока, себе – разливного пива. Он все еще немного стеснялся и, судя по всему, был из числа тех мужчин, которые любой одежде предпочитают деловой костюм и галстук – несколько раз он прикасался к воротнику рубашки, словно ослабляя невидимый узел, и, наверное, если б не жаркий день и неофициальная встреча, явился бы на это свидание при полном параде.

«Какой-нибудь клерк или из начальства среднего звена, – подумала я, постепенно проникаясь к своему спутнику доверием. – Довольно мил...»

– Луи достался мне случайно, – между тем рассказывал Дмитрий. – Но, к сожалению, я не могу оставить его дома, у моей мамы – астма.

– И вы решили отдать его девушке с обложки журнала?

– Танита, – вдруг произнес он очень серьезно. – Котенок – только предлог. Я до безумия хотел увидеть вас.

– И что, оправдала я ваши надежды? – подколола его я.

Он поставил кружку с пивом на стол и вдруг улыбнулся так мягко, ласково, что мне даже немного совестно за него стало – нельзя же так явно выказывать свои чувства! – и пылко признался:

– В жизни вы еще лучше.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила я.

– Фотография, как и любое другое искусство, меняет реальность. Я, если честно, ожидал увидеть совсем иную девушку – холодноватую, мрачную... нечто мистическое, заво-

раживающее... Я хотел и боялся вас увидеть. Но, к счастью, вы улыбаетесь, вы вполне городская, светская девушка...

– Однако! – развеселилась я. – Ну и характеристику вы мне дали. Вообще-то я и сама еще не разобралась, какая я на самом деле.

– Зато веснушки у вас настоящие.

– Что?

– Я говорю – натуральные у вас веснушки, а то сейчас с помощью всяких компьютерных технологий можно что угодно пририсовать. Вы чудо, Танита.

– О господи! – вздохнула я. Похоже, он не наврал, когда написал в своем письме, что с ним случилось нечто вроде солнечного удара... – Называйте меня просто Таней.

...Митя звонил мне каждый день – сначала под предлогом того, что его очень заботит его бывший подопечный, потом о котенке он забыл и уже не скрывал, что его интересую только я. Иногда мы с ним встречались – гуляли в пригородных парках, сидели в кафе, ходили на какие-то выставки. Он являлся на все спектакли с моим участием, каждый раз даря мне по букету. Он не прятал своей влюбленности, но только на третью встречу позволил себе поцеловать меня – да и то в ответ на его нежности я пренебрежительно фыркнула и заявила, что меня не очень-то интересуют подобные вещи. С нежностями он отстал, но я очень хорошо видела, как его буквально трясет от желания обладать мной. Нечто подобное происходило между мной и первым моим мужем, только не

так романтично и намного прозаичнее и грубее, поэтому я не торопилась отвечать на Митину любовь – опасалась, что все может закончиться так же плачевно.

Он познакомил меня со своей мамой, тем самым намекнув, что у него все очень даже серьезно. Но, похоже, сделал это зря – его мама была довольно милой женщиной – почтенная пожилая дама старой закалки, – однако именно это и было проблемой. Она чуть не упала, когда я появилась в ее доме – в прозрачном крепдешиновом сарафане, в буйных кудрях и сплошь покрытая веснушками. Да еще Митя с гордостью заявил, что я актриса. Она старалась не подавать виду, но я сразу поняла, что показалась ей безобразной и вульгарной. Порочной. Развращенной лицедейством. Целый вечер мы вели очень нудную беседу, обсуждая смесь политических и культурных тем, – Митя из кожи вон лез, чтобы показать, какая я умная и положительная, но, по-моему, бесполезно. Под конец вечера, когда Митя удалился на несколько минут, старая дама все-таки не выдержала и спросила с детским любопытством и ужасом:

– Танечка, у вас такие интересные глаза... Это ваш естественный цвет или вы пользуетесь специальными линзами? Я слышала, в актерской среде такое очень популярно...

– Естественный.

– О боже, как интересно... – Она была совершенно шокирована. Наверное, я представлялась ей чем-то вроде мутанта, игры природы.

Вечером Митя пошел меня провожать и в первый раз был допущен лицезреть мое жилище. Дорогой я не показывала вида, что сержусь – я, в общем-то, и не сердилась, – поэтому настроение у него было приподнятое, он страшно радовался, что я наконец-то позвала его к себе. Но не тут-то было...

Я не дала ему полюбоваться результатами моего последнего ремонта – еще с порога я закатила скандал.

– Какого черта!.. – сказала я, бросая свою сумочку прямо на пол. – Какого черта надо было делать из меня Юлию Пастрану!

– Что? – вытаращил он глаза.

– «Ах, Танечка так много читает...» – передразнила я его. – Вот и расхлебывай теперь. Юлия Пастрана была бородатой женщиной, которую показывали публике за деньги.

– Не понимаю... – Митя был совершенно растерян.

– Твоя мама смотрела на меня как на чудовище. Ты – ее сын, ты знаешь ее вкусы... Зачем же нужно было подвергать меня унижению, знакомить меня с ней?!

– Какие глупости, тебе показалось!

Я выкрикивала еще какие-то обвинения – бедный Митя уже не знал, что со мной делать, – как вдруг неожиданно успокоилась и засмеялась, совсем уж запутав его.

– Прости, – сказала я. – Это все детские комплексы и обиды. Я, наверное, не права. Наверное, мне все показалось.

– Ну да, я говорю – тебе все показалось... – Он взял меня за руку, но я тут же вырвала ее.

– Идем, выпьем-ка еще чаю. Знаешь, в детстве я была очень некрасивым ребенком, меня даже дразнили.

– Не может быть! – искренне ответил он. – Некрасивых в театральное не берут.

– Хочешь, я детские фотографии покажу?

– Хочу...

Мы болтали с ним до позднего вечера, пили чай, листали мой старый семейный альбом. Я окончательно поняла, что для этого человека являюсь верхом совершенства – потому что даже мои детские фотографии не произвели на него должного впечатления. Мне вдруг в голову пришла забавная мысль – в Мите сочетаются лучшие черты двух моих мужей – он меня обожает, но не до такой степени, чтобы не видеть во мне человека.

В половине второго он спохватился:

– Мама волнуется! Надо ей позвонить.

– Оставайся, – великодушно предложила я. – Метро уже закрыто, а в нашем районе такси ты вряд ли поймашь.

Он даже побледнел от волнения.

– Оставайся, – повторила я и добавила: – Я поставлю раскладушку на кухне.

Он позвонил своей матери, предупредил ее. Не знаю, что уж она ответила ему, но вид у него был унылый, когда он расправлялся с французской раскладушкой. Странно – ведь ему уже тридцать, наверняка он не в первый раз ночует не дома, а до сих пор мамочки боится... Представляю, что она

сейчас сказала ему по телефону!

Я предложила Мите остаться исключительно из благородных побуждений, ни о чем таком эротическом не помышляя, – очень уж на меня подействовал этот вечер. Я легла в комнате и тут же заснула. Лишь одна мысль проплыла в погружающемся в дрему сознании: «Всем хорош, но – увы! – мамочкин сынок». Бороться с мамочками было для меня слишком утомительно.

Следующим днем было воскресенье.

Я, по обыкновению, проснулась очень поздно и о Митином присутствии вспомнила не сразу. «Наверное, ушел», – подумала я, вслушиваясь в тишину, царящую за дверью. Ситуация, в которой мы оказались, была довольно пикантная: Митя вполне мог заявиться ко мне среди ночи, и мне даже было немного обидно, что он этого не сделал. Хотя, если честно, я бы все равно его выгнала обратно на раскладушку.

Я оделась и вышла на кухню, заранее обиженная на своего кавалера за то, что тот ушел без предупреждения.

Но Митя и не думал уходить – он сидел за столом, раскладушка и постельное белье были аккуратно сложены.

– Доброе утро! – сказал он.

– Доброе... – Я взглянула на него внимательнее и вдруг заметила, что вид у него какой-то странный: словно он за ночь успел переболеть тяжелой болезнью – круги под глазами, нездоровый цвет лица, искусанные, пересохшие губы. – Что это с тобой? Ты спал?

– Нет. – Он виновато улыбнулся. – У тебя есть бритва?

– Есть, только тебе, наверное, не подойдет. Фор вумен...

Ты из тех людей, кто только дома может спать? Я тоже, кстати, такая. Терпеть не могу чужой обстановки.

– Таня, я похож на сумасшедшего? – неожиданно спросил он.

Я опешила:

– Н-не очень... Это я скорее похожа.

– Целую ночь я думал о тебе. Я думал, что ты меня выго-
нишь, если я вздумаю зайти к тебе в комнату.

– Так оно и было бы...

– Больше никогда, никогда не зови меня к себе. Это так мучительно! Я чуть не умер, представляя, как ты спишь там, за стеной, совсем рядом...

Все-таки он был удивительный человек – мог так честно рассказать о том, в чем другой мужчина вряд ли признался бы. Я хотела было обратить все в шутку, но не смогла. Мне стало его так жаль, что просто чуть сердце не разорвалось, – я подошла к нему, села на колени и крепко обняла.

Все мои прежние романы неизбежно заканчивались замужеством – почему так получалось, я не знаю. И я подумала о том, что если сейчас заведу очередной роман, то он непременно закончится штампом в паспорте, а я этого совсем не хотела.

Хуже всего было то, что Митя задрожал и, кажется, чуть не упал в обморок. Чересчур долго он ждал ответных чувств,

особенно после этой ночи, когда я так бессовестно и безмятежно храпела за стеной, лишив его последней надежды.

Мы поцеловались медленным, долгим поцелуем, а потом все завертелось, словно в моей кухне открылась дыра в иное измерение и нас с Митей туда засосало. «Это не любовь, это жалость», – последнее, что я подумала...

Есть фильм, название которого мне запомнилось, – «Тот, кто нежнее». Определение названия полностью подходило Мите – я еще в жизни не встречала такого ласкового мужчину. Просто оторопь брала от тех гигантских залежей нерастраченной нежности, которые в нем были, словно рос он сиротой в детском доме. Я чувствовала себя мухой, которая неосторожно села на мед и моментально увязла в липкой сладкой массе.

Но прогнать Митю, отдалить его на некоторое, хотя бы минимальное, расстояние у меня духу не хватало. Он, наверное, без меня просто умер бы. «Ладно, – успокаивала я себя, – без мужчины женщина все равно не должна жить. Пусть тогда будет он, а не еще кто-то...» Близкие подруги в очередной раз удивлялись тому, как мне повезло: по их мнению, Митя был просто идеален. Но мне жилось не очень-то легко, ибо чрезмерная зависимость одного человека от другого всегда угнетает.

Он хотел быть все время со мной – есть, спать, гулять, провожать на работу, встречать после нее, торчать на репетициях в театре и прочее. Я и не думала, что может ока-

заться тяжело от того, что кто-то другой готов разделить с тобой каждое мгновение жизни, ибо хоть самая небольшая, но внутренняя свобода необходима. Первый муж был тоже склонен к обожанию, но его интересы ограничивались рамками супружеского ложа. Я дала себе слово – терпеть, пока могу, потому что оттолкнуть Митю, не почувствовав себя при этом самым жестоким в истории человечества убийцей, было нельзя.

Однажды на репетиции одного из наших спектаклей появился титулованный режиссер, долгое время преподававший за границей и теперь немного подзабытый. Но я его сразу узнала по лысине и огромным кавалерийским усам – как раз накануне смотрела передачу о кино. Он долго болтал с нашим, краем глаза наблюдая за тем, что творилось на сцене. Мы пытались поставить пьесу по Куприну. Я, естественно, получила роль Олеси...

Через несколько дней режиссер позвонил мне домой и предложил сыграть роль в его новом фильме. Нормальная актриса, наверное, должна была обрадоваться такому предложению, а я затосковала, впала в уныние.

– А получится? – вяло спросила я. – У меня ведь специфическое амплуа...

– Да ерунда все это, – успокоил меня режиссер, вместо «ерунды» произнеся совсем другое слово, – мне типаж твой очень понравился. Колоритная ты девка, скажу я тебе...

Я согласилась, хотя точно знала, что опозорюсь. Мне при-

слали сценарий, который, по нынешним временам, оказался весьма недурен, кроме того, я успешно прошла пробы, других конкурентов у меня не оказалось. Правда, я никак не могла предположить, что придется работать в весьма специфических условиях. Я в таких еще не работала.

Проще говоря, съемки фильма оказались настоящим адом.

Сюжет был довольно прост и, по нынешним временам, даже тенденциозен – Белоруссия, Полесские леса, коллективизация, брат на брата... Словом, история переосмысливалась заново.

Полесье не Полесье, но всю нашу съемочную группу завезли в жутко глухие места, где не было ни одного намека на цивилизацию и до ближайшего райцентра в случае необходимости приходилось добираться часа два на старом «уазике» (фильм-то был малобюджетным). Мы жили в ветхих вагончиках, умывались водой из колодца, пухли от укусов невероятного количества комаров, но режиссер был в полном восторге от природы. Пока он жил в ухоженной Англии, а потом в чинной Германии, очень отвык от российских диких просторов.

Другие актеры довольно терпеливо переносили весь этот кошмар. Я же, вероятно, по избалованности своей и недостатку опыта, была в ужасе. И непременно бы сбежала, если б знала, в какую сторону.

Мою героиню по ходу сюжета несколько раз пытались из-

насиловать то красные, то белые, а в перерывах страстно хотел убить какой-то полоумный деревенский дядька. Близкие родственники ее били, заставляли заниматься тяжелым сельским трудом... Правда, моя героиня тоже была не лыком шита – дядьку она убила сама, красных с белыми оставила с носом, а от работы отсиживалась на болотах. Полный мрак.

Я ходила с утра до вечера в драной ветоши, которую и одеждой-то назвать стыдно даже для времен коллективизации, да еще для убедительности вымазанная болотной грязью. Перед каждой съемкой мне делали колтун из волос на голове.

Привыкшая к городским удобствам чистюля, я едва не умерла от отсутствия ванны и чистого белья. Иногда мне просто не хватало сил смыть с себя вечером грязь, я плакала и проклинала все на свете, каждый день мечтая о Москве, о Мите и моей хорошенькой квартирке. Я утешала себя только тем, что роль у меня второстепенная, что главной героине еще хуже, поскольку ей не удалось-таки отбиться от белых.

Целый месяц мы проторчали в этой глуши, а потом вернулись в Москву и доснимали оставшиеся сцены в павильоне. Фильм еще не был закончен, а я уже дала себе слово больше никогда не связываться с кино... Только театр!

В мое отсутствие Митя жил у меня дома, ухаживал за Луи, который к моему возвращению превратился в огромное, очень флегматичное существо, больше похожее на свинью, чем на молодого кота.

– Как же ты долго, – с тоской произнес Митя, когда мы отмечали мое возвращение. – Еще чуть-чуть – и я бы умер без тебя.

– Что, правда? Как чудовище в «Аленьком цветочке»?

– Ты считаешь меня чудовищем? – немного обиделся он.

Митя был самолюбив, впрочем, как и все остальные мужчины в мире. – К тебе там никто не приставал?

– Нет. Я была такой чумазой, что ко мне и подойти близко было страшно.

– А говорят, все эти режиссеры и прочая богема – страшно порочные люди, для них чем хуже, тем лучше...

– Митя, я ведь тоже в некотором роде богема...

– А тебе кто-нибудь там понравился?

– Никто.

– Этот актер, что сыграл главного героя, – очень стильный мужчина...

– Митя, с нами была его жена, которая играла Марийку, главную героиню то есть, она к нему никого на пушечный выстрел не подпускала. Даже если бы я захотела добиться взаимности у этого слюнявого манерного хлыща, у меня бы все равно ничего не получилось – Марийка бы глаза выцарапала! Кстати, ты же знаешь мои принципы – ничего общего с коллегами...

Он не был ревнивым, но, по-моему, мысль о том, что я могу полюбить еще кого-нибудь, доставляла ему мучительную боль, и я, будучи в душе человеком милосердным, ста-

ралась развеять все его страхи. Не могла же я ему сказать, что актер Коломийцев был страшным бабником, не пропуская ни одной юбки, — даже жена на него давно рукой махнула, смотрела на все его похождения сквозь пальцы, — и что в свободное время в той глуши было совершенно нечего делать, только водку пить да амуры крутить. Я, конечно, мужественно держалась, но пару раз пришлось целоваться с Коломийцевым в стогу сена, под леденящий сердце комариный писк...

Поздней осенью фильм вышел в прокат и имел неожиданный успех. «Багровый туман» — так он назывался — очень хвалила критика, его собирались даже представить на очередном кинофестивале как лучшую картину года. Странно, я совсем не ожидала, что из всей этой грязи, слез, комариных укусов, отсутствия удобств, истерик главной героини и солдатского мата режиссера выйдет что-то стоящее. Но, оказывается, вышло — получился довольно милый лирический фильм с большой долей комедийного элемента. Актер Коломийцев еще громче прославился. Мне звонили какие-то люди, поздравляли, что было для меня удивительно — роль моя казалась мне не такой объемной и не такой заметной, но, видимо, в ней что-то было.

И настал час в моей жизни, когда я вдруг почувствовала, что окончательно избавилась от призраков детства — меня не мучили больше комплексы, я бесповоротно осознала, что красива, что, как и все, достойна счастья, меня любят и не

надо больше никому ничего доказывать. Я проснулась ночью посреди густых зимних сумерек – рядом мирно спал Митя, а в ногах, свернувшись в клубок, общительный оранжевый кот по имени Луи... Чем не идиллия, не уютная картинка счастливой семейной жизни! За окном тихо падал снег – казалось, что где-то там, по заснеженным глухим тропам, где снимался летом «Багровый туман» и бессовестный женолюб Коломийцев целовал в стogu сена рыжую, веснушчатую и чумазую Фроську (так звали мою героиню), идет неторопливо пожилой мужичок с длинной седой бородой в красном тулупчике, перекинув через плечо мешок. А в мешке у него – сюрпризы и подарки для всех тех, кто ждет его в городе. Одним он подарит богатство, другим счастье, третьим любовь... Я была уверена, что, кроме этих добрых подношений, без которых и не представляется Новый год, ничего у него в мешке нет. Только хорошее – так представилось мне той тихой снежной ночью, в тепле толстого верблюжьего одеяла, рядом с тихо посапывающим мужчиной, который без меня даже своей жизни не представлял. Я была известна, появились перспективы...

И правда, Рождество мы встретили очень счастливо – со смехом, шутками, с отличным настроением. На Луи мы надели красный колпак Санта-Клауса, повязали пижонский бант, подарили ему специальный подарок, купленный в магазине для животных, – какой-то кошачий деликатес в виде хорошенькой глазированной мышки. Митя, со всем прису-

щим ему романтизмом и сентиментальностью, тоже преподнес мне сюрприз – встал передо мной на колени и попросил руки и сердца. Чего мне стоило не расхохотаться – я не знаю, у меня потом мышцы лица болели от сдерживаемых усилий. Но я все-таки не рассмеялась. Очень чинно и благородно я ответила, что подумаю, изобразив своим видом, что окончательный ответ будет наверняка положительный.

Я точно знала, что не стану радикально менять свою жизнь – мне сейчас и так неплохо было. Митя – прекрасный человек, но что-то в глубине души мне подсказывало, что бродит где-то мой настоящий герой, с которым я буду счастлива как ни одна женщина на свете. Это ощущение прекрасного будущего так и бурлило во мне – я радовалась хорошему настоящему и ждала каких-то грандиозных перемен.

А пока я жила рядом с Митей, тем более что у него недавно умерла мама и мне как-то неудобно было бросать его.

В один из последних зимних дней, когда все новогодние праздники уже закончились и с нетерпением ожидалось первые весенние, мне позвонили. Я сразу узнала голос – Нина Пирогова, бывшая староста нашего класса. Похоже, даже спустя годы желание все организовывать и устраивать общественные мероприятия ее не покинуло.

– Привет, Танюха! – заорала она (сколько я ее помнила, Нинка не умела говорить нормальным голосом, даже стихи, которые в школе задавали выучить наизусть, она читала командирским басом). – Поздравляю – ты теперь у нас кино-

звезда!

– Спасибо, – вежливо ответила я. – Ты о том фильме? Но это пока только одна известная роль в моей карьере...

– Да ладно тебе! – добродушно перебила Нинка. – Скромность в наше время уже порок. Ты вроде и в театрах играешь?

– Да, я закончила театральное училище...

– Ладно, потом подробности своей звездной жизни расскажешь. Я тебе вот по какому поводу звоню: есть хорошая мысль собраться всем вместе.

– В каком смысле?

– Ну ты даешь! Известно в каком – бывшие одноклассники, как-никак... Десять лет, Танита, – юбилей!

– Что?! – Теперь настала моя очередь форсировать голос. – А ведь правда...

Я никогда не считала годы и не цеплялась за даты, но в этом юбилее было нечто особенное – грусть и удивление разом навалились на меня. Я словно только сейчас осознала, что время не стоит на месте и вот уже десять лет отделяют меня от детства. Картинки прошлого поплыли перед моими глазами...

– Танита, ты что замолкла? – вернул меня к реальности голос в трубке.

– Очень хорошо, – сказала я уже спокойно. – Конечно, надо нам всем встретиться. А то я даже и не знаю, кто как живет. Старые друзья растерялись куда-то...

– Еще бы – ты же богема!

– Ниночка, по характеру своему я никак не могу считаться богемой...

– Ладно, ладно, потом расскажешь! Короче – мы решили снять на вечер нашу кафешку. Естественно, с каждого носа энная сумма.

– Какую кафешку?

– Да «Ромашку» же! За выпить-закусить платишь отдельно или несешь с собой, если бедная... Господи, что же я говорю! Ты же там небось на «Мерседесах» ездешь!

Объяснять ей что-либо было бесполезно – Нинка была из тех шумных, но, в общем-то, довольно беззлобных людей, которые никогда не слушают собеседников, и так зная все наперед. Вернее, думая, что знают.

– Нина, а ты про кого-нибудь знаешь?

– Да почти про всех!

– Как там Катя Варшавская, Вовчик Петросян, Бубнилова... Ох, эта невероятная Бубнилова, помнишь, как она...

Мы болтали с Нинкой, и я все отчетливее понимала, что совсем не о тех хотела спросить. Но непонятный, суеверный страх мешал мне это сделать, и я положила трубку на рычаг, так ничего и не узнав о Серже Мельникове. «Отчего же я вдруг так разволновалась?» – спросила я себя, подойдя к окну. Там на ослепительном солнце умирала зима – капало с крыши, текло ручьями с длинных страшных сосулков, во всем воздухе летали какие-то брызги, словно оттаивало само го-

лубое небо, и даже сквозь заклеенные рамы было слышно, как неистово чирикают воробьи. «Неужели вот оно, счастье, которое наконец пришло ко мне и которое я давно предчувствовала?» – эта мысль обожгла меня огнем.

Вечером пришел с работы Митя. Он уже жил у меня – пустая квартира на другом конце города пугала его, наводила тоску. Бедная его мамочка, совершенно напрасно я когда-то разозлилась на нее...

– Ужасно голоден, – сказал Митя, торопливо раздеваясь в прихожей. – Представляешь, шел и всю дорогу думал, чем ты сегодня угощать будешь.

– Тебе так нравится, как я готовлю?

– Да, да, я тысячу раз говорил тебе это! – Он обнял меня, прижавшись к щеке ледяными губами.

– Разве на улице так холодно?

– Утром солнышко, а вечером здорово подморозило. Еще не весна, милая...

Я кормила его ужином, а сама все думала о предстоящей встрече.

– Что-нибудь случилось?

– Что? – вздрогнула я.

– У тебя вид какой-то отсутствующий, словно ты обдумываешь какую-то проблему. – Митя отложил вилку и внимательно смотрел на меня. Плохая из меня актриса!

– Еще бы, – мрачно, озабоченно произнесла я. – В следующие выходные встреча одноклассников.

– Так это же здорово! Ты пойдешь? – Он опять взялся за вилку.

– Но мне нечего надеть! – выпалила я первое, что пришло мне в голову. И в тот же момент эта важнейшая мысль вернулась ко мне бумерангом – силы небесные, а ведь мне действительно нечего надеть!

Митя посмотрел на меня снисходительно, улыбаясь краешками губ:

– Мне бы твои проблемы, детка. У меня вот баланс не сошелся сегодня...

– Митя, Митя, мне действительно нечего надеть!

Я бросилась в комнату и стала лихорадочно передвигать плечики на вешалке в шкафу. Страшное возбуждение охватило меня. До юбилея в «Ромашке» было еще несколько дней, но мне казалось, что я стремительно падаю в пропасть. Если там будет Серж Мельников – собственно, из-за него я так и волнуюсь, – то показаться перед ним в каких-то жалких тряпках...

– А вот твой любимый сиреневый костюм, – сзади подошел Митя.

– Только не его. Он старый, вон – даже катышки на боку от сумки.

– А то милое черное платье?

– Нет-нет, там половина будет в таких же. Сейчас все женщины, как идиотки, носятся с маленькими черными платьями...

– Вижу длинное, красное – кажется, очень соблазнительно.

– Митя, его я надену, когда мы с тобой вдвоем пойдем в ресторан, но только не в этот раз. Да и туфли под него не подберешь.

Я перебрала целый ворох одежды, пока окончательно не убедилась, что надеть мне совершенно нечего.

Я упала на диван и расплакалась. Если прикинуть, то я тысячу лет не плакала...

– Вот глупенькая! – Митя сел рядом все с той же умиленной, нежной улыбкой и стал по очереди целовать мои пальцы. – Очень глупенькая. Ты же самая красивая, у тебя есть я. Стоит ли переживать из-за таких пустяков?

– Нет, ты не понимаешь!

– Завтра пойдем и купим – что хочешь, – твердо произнес он.

– Митя, хорошую вещь надо искать очень долго, а у меня всего несколько дней, – с горечью возразила я.

– Мы успеем.

Все оставшиеся до субботы вечера мы носились по магазинам и всевозможным бутикам и универсамам, словно от этого зависела моя жизнь. Сначала мне не хотелось показывать Мите свое волнение – я боялась, что он может заподозрить что-то неладное, но он отнесся ко всей моей суете очень снисходительно.

– Да, я тебя понимаю, – сказал он в один из сумасшедших

вечеров. – День такой встречи – словно подведение итогов, невольно хочешь выглядеть на высоте. А для женщины хорошо выглядеть – это и есть все ее заслуги и достижения, то, чего она добилась в жизни...

Между одним универмагом и другим мы зашли перекусить в кафе, и там, за столиком, в полутьме, под звуки негромкой легкой музыки, я словно опомнилась. Но только на короткое время, пока мелкими глотками всасывала в себя холодный коктейль через трубочку. «А почему, собственно, я так волнуюсь? Может быть, Митя прав – в день встречи бывших одноклассников я хочу выглядеть более чем хорошо именно потому, что они помнили меня толстой конопатой уродиной и мне надо доказать им, что они ошибались, что из гадкого утенка вышел прекрасный лебедь. И Шурочка Пинелли... Боже, я совсем забыла, что на свете существует Шурочка! Вдруг Серж придет с ней, блестя колечком на безымянном пальце... Нет, я не верю в ранние браки, любовь Ромео и Джульетты – очень красивая, но и очень короткая сказка. Эти двое давно уже разошлись, школьная любовь, которая длится дольше выпускного вечера, смешна, нелепа. Нет, я не хочу ничего никому доказывать, я давно уже самодостаточный человек, мне наплевать, что обо мне подумают бывшие одноклассники. Кроме одного. Потому что я... Потому что я до сих пор люблю его?»

Я чуть не подавилась коктейлем. Митя сидел напротив меня и с задумчивым видом ковырялся в салате. Вид у моего

спутника, надо сказать, был неважный. Под глазами лежали легкие тени, вены на руках заметно набухли. Ведь он отчаянно устал, таскаясь со мной после работы по этим дурацким магазинам!

Совість безжалостно кольнула мне в сердце. «Что будет, если Серж Мельников окажется свободным? Разумеется, я всеми силами постараюсь доказать ему, что только я – самая эффектная женщина в мире... А вдруг он поддастся моим чарам? И потеряет голову, и пойдет покорно за мной вслед? Что же тогда будет с Митей?»

В это время Митя встретился со мной взглядом и улыбнулся, накрыв ладонью мою руку.

– У тебя сейчас такой озабоченный, взбудораженный вид, – сказал он. – Брось. Сейчас зайдём в ГУМ и, вот увидишь, найдем там то, что тебе нужно.

– Мерси... Может быть, отправимся потом в кино? В «Зарядье» идет сейчас какой-то новый фильм, все очень хвалят... Ты же любишь спецэффекты.

– А что – это идея. – Он оживился, даже порозовел. – Давненько мы с тобой культурно не развлекались.

После кофе, которое принес официант, он окончательно взбодрился, и моя жалость отступила. Я глядела на Митю, на его безукоризненную, замазанную гелем стрижку под английского лорда, с красиво уложенным затылком, на строгий костюм, выглядывающий из-под мягкого кашемирового пальто, на пижонское кольцо-печатку... и решила, что ничего

страшного не произойдет, если мы расстанемся. Утешительниц вокруг полно. Такой безупречно ухоженный, красивый мужчина один не останется. Я даже почувствовала нечто похожее на ревность, когда об этом подумала...

В ГУМе я действительно нашла то, что хотела. В одном из бесчисленных магазинчиков, расположившихся на втором этаже, я заметила один костюм. Сначала он мне не понравился, тем более что цвет у него был не вполне приличный – розовый, да и пуговицы на нем были какие-то странные – в виде свинок. Нечто маскарадное, словом. Но назойливая продавщица настояла, чтобы я его померила, и, странное дело, на мне костюм стал смотреться совсем по-другому.

Узкая юбка до колен, приталенный пиджачок – ничего особенного, но крой был безупречен. Просто удивительно – как модельеры умеют иногда расположить все эти вытачки, разрезы, карманы и шлицы, что самая обычная женская фигура начинает выглядеть просто божественно? Да и цвет не был банально-розовым, если присмотреться. В нем преобладал оттенок фуксии, как в только что появившемся закате, – некий сумбур, тревога и одновременно безмятежность... А перламутровые пуговицы в виде забавных свиных рылец – чистый эпатаж, тонкая ирония над цветом и покроем, обрисовывающим женские формы. Я уже давно не выглядела толстушкой, но этот намек на прошлое...

Я вертелась и вертелась в костюме перед большим зеркалом, а продавщица и Митя ходили вокруг и ахали. Я действи-

тельно выглядела очень хорошо, очень мило и женственно, и даже ахи продавщицы звучали вполне искренне.

– Ладно, покупаем, – сказала я. – Сколько стоит?

Оказалось, что костюмчик стоит безумно дорого, тем более что на невзрачной этикетке внутри ворота стояло известное французское имя. Но Митя, не раздумывая, расплатился. Эта сумма была для него неразумной тратой – при всем своем романтизме он был человеком довольно-таки скуповатым, но, видимо, он хотел видеть меня счастливой. Мы пошли потом в кино, хотя было уже довольно поздно, и там, в густой прозрачной полутьме зала, он вдруг с такой страстью, с таким бесконечным обожанием стал целовать мои руки, что мне опять стало страшно. «Господи, – взмолилась я, – сделай так, чтобы он не любил меня так страстно! Я не хочу жить так, как сейчас, – позволяя себя любить и не любя сама. Я тоже хочу потерять голову, я не могу бесконечно приносить себя в жертву!»

В субботу утром я проснулась непривычно рано для себя. Митя лежал рядом, и во сне у него было такое счастливое, безмятежное лицо, что я едва могла сдержать нервный смех.

– Митя, проснись, опоздаешь на работу! – принялась я его тормошить.

– Который час? Сейчас встаю... – пробормотал он сонным голосом, разводя руками, словно ища в воздухе опору, которая помогла бы ему встать.

Я не выдержала и расхохоталась:

– Митя, куда ты – сегодня же суббота!

– Ну ты и вредина... – Он обнял меня, уткнувшись теплым, ставшим за ночь колючим лицом мне в грудь. – Идешь сегодня?

– Да, да, конечно, не зря же мы костюмчик купили.

– Тебе очень идет. – Он оживился, открыл глаза. – Смотри, какой-нибудь бывший одноклассник еще влюбится в тебя, в такую хорошую.

– И что ты тогда будешь делать?

– Тогда мне придется убить его. – Он сладко потянулся. – Татка, правда, который час?

Целый день я красила личико, ногти, приводила волосы в порядок, словом, делала то, что Митя называл «чистить перышки». Он снисходительно наблюдал за моими хлопотами и, похоже, ни о чем не тревожился. Если б он только знал, какая буря творилась в моей душе, как мучительно страшно мне было – из-за человека, с которым я говорила один раз в жизни, ведь фразы «привет – пока», «что по алгебре задали?» и прочую ерунду за разговор считать нельзя. Каким стал Серж, чем занимается? А вдруг его нет сейчас в Москве? Вдруг в это самое время он сидит где-нибудь в прохладном российском консульстве, попивая ледяной чай, за окнами качают листьями роскошные тропические пальмы, а на этот самый вечер назначено сафари в африканской саванне...

Шестое марта – еще совсем зима. После короткого потеп-

ления в конце февраля вновь ударили морозы, дороги покрылись толстой ледяной коркой, заломило в висках от резкого перепада давления. На город уже надвигались фиолетовые сумерки, я осторожно плыла по скользкой мостовой с пустым желудком – весь день не могла ничего съесть из-за волнения – и ухоженная до такого идеала, что не чувствовала собственного веса. Я опаздывала на полчаса, причем вполне сознательно – на такие мероприятия все всегда приходят не вовремя.

«Ромашка» была в этот вечер закрыта для других посетителей – какой-то лохотонный юноша в бабочке и нестерпимо блестящих штиблетах впустил меня, придирчиво сверив мою фамилию со списком.

– Танита Танеева? Великолепное сочетание...

В тесной гардеробной висели чьи-то шубы, пальто, витала смесь ароматов сигарет, женских духов и мужских одеколонов, и я вдруг подумала, что эти запахи принадлежат моим бывшим сотоварищам и один из запахов, возможно...

Из-под шуб вынырнул молодой человек в черном сюртучке и остолбенел, увидев меня.

– Ужель та самая Татьяна? Пардон, Танита...

– О господи, это же Юрочка... А фамилию твою я забыла! – засмеялась я. Сейчас я была совершенно спокойна. И даже холодна, оставив свои страхи и мучения за входной дверью, – актерская выучка выручала. Спектакль я должна сыграть без заминки.

– Фогельсон, – машинально напомнил одноклассник, пожирая меня глазами. – Танита, тебя просто не узнать!

Я помнила Юру – он сидел на предпоследней парте у окна, был милым, хотя и довольно егозливым мальчишкой.

– Много народу собралось? – спросила я, поправляя волосы перед зеркалом. Костюм, ноги в золотистых колготках, туфельки на небольшой шпильке, которые я предусмотрительно захватила с собой, – все было безупречно. Главное – чтобы на лице не отразилось ни одной сильной эмоции.

– Порядочно...

Юрочка, который сроду на меня не обращал внимания, преданно дождался того момента, когда я закончу прихорашиваться, и предложил мне свой локоть для сопровождения.

Мы вплыли в зал. В первый момент я ничего не заметила, помня только об одном – чтобы на лице играла приветливая непринужденная улыбка, немного усталая и ни в коем случае не вызывающая. Висели какие-то гирлянды, мигали разноцветные фонари, даже конфетти летало в воздухе, словно праздновали Новый год, лица присутствующих мешались в одно пестрое пятно...

– Танита! Звезда ты наша! – заорал кто-то рядом. Это был весельчак и балагур Грибов, который умудрился прохохмить все десять лет школьной жизни. Помнится, он был двоечником и всеобщим любимцем.

– Грибов, сколько лет, сколько зим... – его имя тоже вылетело у меня из головы.

– Смотрели, смотрели кино с вашим участием...

Почти все уже сидели за сдвинутыми в одну линию столами и, видимо, уже успели переброситься друг с другом приветственными фразами, так что все внимание сейчас было устремлено на меня. Пестрый туман рассеялся, и я стала постепенно узнавать этих людей, которых в последний раз видела еще детьми.

Они обращались ко мне с приветствиями, я тоже отвечала бодрыми, дружескими фразами. Федя Брумелъ, Надя Синицына, Ленка-толстая и Ленка-в-очках... Бывшие девчонки и мальчишки выглядели великолепно. Они, наверное, тоже ждали многого от этой встречи. Кто откровенно радовался – с охами, ахами, всплескиванием рук, кто сидел независимо, лишь снисходительно поглядывая вокруг.

Непонятно каким образом я оказалась за столом рядом с Юрочкой – тот положил мне в тарелку салат, налил в бокал шампанского.

– Ну что, за встречу!

Мы чокнулись, потом с другой стороны ко мне подседа Катя Варшавская, которая, оказывается, была уже не Варшавской, а Романовой, – полная, белокурая, степенная дама, совсем не похожая на вертлявую тощую Катьку с растрепанной черной челкой, вечно лезущей ей в глаза. Да, время и пергидроль сильно меняют людей...

– Кажется, еще не все пришли, – заметил Юрочка, то и дело привскакивая со стула, словно ему на сиденье положи-

ли горсть канцелярских кнопок.

Входная дверь распахнулась, и появился Никита Мусатов – огромный мужик в шикарном костюме. Рокочущим голосом он на миг перекрыл все другие звуки в кафе. Никита работал хирургом в одном из современных медицинских центров, энергия и оптимизм так и перли из него. Непостижимым образом он за очень короткое время успел переговорить со всеми, мне поцеловал руку, шепнув, что мечтал бы лично пропальпировать меня, причем как-то так мило, без налета скабрёзности это произнесся, что я только рассмеялась счастливо ему в ответ, сказав, что он все такой же «анфан террибль».

Потом появилась приснопамятная Бубнилова – в темных очках, с переброшенной на грудь косой. Сейчас она занималась политикой и удивила всех с порога, заявив, что она депутат Государственной думы. Чем-то она очень напоминала одну известную даму от политики – манерой говорить, жестами, категоричностью суждений, полнотой и очками. Вблизи нее тотчас же завязался спор.

– Ну что, давайте общий тост? – попыталась организовать шум и гам Пирогова.

– Еще двое не пришли, – ответил ей кто-то из толпы.

– Ну и что? Сто лет их, что ли, ждать...

Юрочка Фогельсон в это время очень обстоятельно рассказывал мне о своей работе менеджера. Но я его почти не слушала, сердце мое билось уже неуправляемо.

– Пойду покурю, – перебила я его.

Но Юра поплелся вслед за мной. В коридоре, слева от входа, было что-то вроде курительной. Там в одном углу уже стояла Бубнилова и ожесточенно спорила с двумя бывшими одноклассниками.

– Танита, ты, что ли? – вдруг спросила она, быстро мазнув по мне взглядом из-под темных очков.

– Здравствуй, дорогая, – ответила я.

– Потрясающе выглядишь, – сказала она и тут же снова нырнула в спор.

Юрочка поднес мне зажигалку и стал рассказывать, как в прошлом году ему прислали настоящие кубинские сигары. Я вообще-то не курила – так, изредка, но сейчас сигарета была единственным спасением для меня.

В это время входная дверь распахнулась, и в клубах морозного пара появилась чья-то фигура. Музыка из зала показала мне какофонией, я ослепительно улыбнулась Юрочке, всем своим видом показывая, что очень внимательно его слушаю. Человек в вестибюле неторопливо стягивал с себя дубленку. Русые волосы до плеч, широкая спина, свободный свитер с геометрическим узором... Это был он.

– Привет, Сергей! – энергично махнула рукой Бубнилова и тут же переключилась на своих собеседников. Сентиментальностью она не страдала.

Серж медленно подошел к нам. Пожал Фогельсону руку, повернулся ко мне.

– Привет, Танюша, – произнес он своим мягким, почти не изменившимся за десять лет голосом. – Какая ты славная у нас стала.

Я только кивнула в ответ. Он пришел один...

Серж что-то спросил у Юрочки. Что, я не слышала – смотрела на него и не могла насмотреться.

В это время нас позвали из зала, объявив, что больше никого ждать не будем. Мы вошли обратно – в шум, гам, сутолоку. Юрочка как-то сразу оттеснил меня от толпы, захлопали бутылки с шампанским, зашипела пена, лохмотьями шлепаясь из бутылок на пол...

Я держала бокал, слушала тост, который командирским голосом произносила Пирогова, машинально искала взглядом русский затылок и, отмахиваясь от назойливого Юрочки, постепенно приходила в себя.

Серж почти не заметил меня. А чего я ждала? Чтобы он, словно в сказке, упал передо мной на колени и выразил горькое сожаление, что в юности не смог разглядеть во мне прекрасную принцессу? Что последние десять лет он томился в одиночестве, без любви, и что только во мне наконец нашел свой идеал? Что...

– ...Как одно мгновение. И вот мы снова вместе, словно и не было этих десяти лет после школы, – все такие же молодые, такие же красивые! Ничего не убавилось, только прибавилось – ума, опыта, доброты. Посмотрите друг на друга – какие необыкновенные девочки, какие замечательные маль-

чики. Сколько талантов уже открылось – есть и врачи, и музыканты, и преподаватели, даже актриса среди нас есть одна... – Все обернулись на меня, а Фогельсон, пользуясь всеобщей эйфорией, чмокнул меня в щеку. – И депутат Государственной думы. Кто знает, может быть, президентом нашей страны когда-нибудь будет женщина, наша замечательная Настя Бубнилова...

Пирогова перешла на персоналии, в зале то и дело раздавались взрывы смеха, а Серж продолжал удивленно смотреть на меня, в то время как все уже переключилось на очередного героя дня.

– Так давайте же выпьем...

– Стойте! Подождите!

Хлопнула дверь, и на пороге появилась Шурочка. Та самая Шурочка, которая мне столько крови испортила в юности. Она смеялась и махала руками, покрасневшая от холода, запыхавшаяся, кто-то быстро налил ей шампанского.

– Ура! – закричали все, и она – звонче всех.

– Шурка, молодчина, все-таки пришла! – полезла к ней целоваться Пирогова, внимание всех было переключено на только что вошедшую. Да, вовремя она, эффект почти театральный получился...

– С таким трудом, – смеясь, объясняла счастливая Шурочка. – Не с кем ребенка было оставить, я была просто в отчаянии.

– Золотая ты наша! – Пирогова опять бросилась ее тор-

мошить. – С собой бы взяла.

– Да ты что! Это же такой Терминатор...

Катя, бывшая Варшавская, принялась мне рассказывать о своем сынишке, но я опять ничего не слышала. Это был не вечер, а сплошной адреналин! Серж Мельников, во все глаза глядя на Шурочку, медленно пробирался к ней сквозь толпу, и что-то такое было в нем, что вызвало во мне прежнее бессильное разочарование.

– Ты смотри-ка, – подтолкнула меня локтем Катя, – старая любовь не ржавеет.

– О чем ты?

– Я о Сережке и Шурочке. Они же расстались после школы, а теперь, видишь... просто пожирают друг друга глазами.

– Но у нее ребенок... Разве она не замужем?

Катя посмотрела на меня с изумлением:

– Дорогая, ребенок и без мужа может родиться!

После первого общего тоста присутствующие разбились на небольшие группки, а я опять выскользнула из-за стола, с трудом отбившись от любезного Юрочки.

В дамской комнате я сполоснула лицо холодной водой, потом принялась пудриться. Зеркало отразило мое высокомерное, раздраженное личико.

«Ну и черт с ними! – в сердцах думала я. – Старая любовь не ржавеет. И он по-прежнему без ума от Шурочки... Надо выбросить из головы все эти бредни. Кончено. Серж Мельников для меня умер. Завтра пойдем с Митей подавать за-

явление в ЗАГС. Нет, завтра воскресенье, придется на той неделе...»

Я подмигнула себе, повернулась в профиль и оглядела костюм. Удачное приобретение, мне повезло.

И в этот момент появилась Шурочка. Она не успела заметить меня в суматохе и теперь, когда наши взгляды вдруг столкнулись в зеркале, вздрогнула и побледнела – яркий румянец стремительно исчез с ее по-прежнему очень симпатичного личика.

Не поворачиваясь, я довольно развязно сказала ее отражению:

– Шурочка, как я рада...

– Танита! – Она оглядела меня с ног до головы, не в силах скрыть в первую минуту встречи изумление и зависть. Я даже посочувствовала ей мысленно, что до сих пор она так и не научилась владеть собой.

Наконец она очнулась – это была уже прежняя очаровательная Шурочка, которую все любили. И с детской непосредственностью, немного наигранной, правда, она восхищенно воскликнула:

– До чего же забавные пуговицы у тебя!

– И это все, что ты можешь сказать мне после десяти лет разлуки? – шутливо уколола я ее.

– Нет, я просто в восторге от тебя. Да и все в восторге... – наконец нашла она верный тон и теперь говорила со мной как старая добрая приятельница. – Танюша, дорогая, ты из

тех женщин, которые со временем становятся все лучше и лучше! Я слышала, ты у нас кинозвезда?

– Да, снялась случайно в одном фильме у... – Я назвала фамилию режиссера.

– Ну уж, не верю я в случайности, – скептически поджала она губки.

– Ты работаешь?

– Да, но моя должность звучит очень банально – я зубной врач.

– У тебя ребенок? Мальчик, девочка?

– Сын. – Она улыбнулась довольно. – Витюшка. Ему шесть лет...

– Прекрасно! – искренне восхитилась я. – А кто муж? Кто тот счастливец, которому досталась самая красивая девушка нашего класса?

Я не могла не задать этот вопрос, хотя ответ на него уже знала. Шурочка, глядя мне прямо в глаза, ответила очень просто:

– Я не замужем. И никогда не была.

– Счастливая! – Я вздохнула. – Я была два раза, и не слишком удачно. Детей нет пока...

Шурочка после этих моих слов заметно помягчела, расслабилась и произнесла так мягко, так дружески, что мне очень захотелось поверить в ее теплые чувства ко мне:

– Эх, Танита, нам ли быть в печали! Девушки мы видные, интересные, все у нас еще впереди!

– Сережка Мельников даже в лице переменился, когда тебя увидел, – поделилась я своим наблюдением.

– Да? – Она как-то вяло пожала плечами, хотя я ждала от нее совсем другой реакции. – Мы с ним давно расстались, кажется, сразу после школы. Юношеская любовь – она только на время юности, потом исчезает без следа. Как подростковые угри...

– Зато теперь вы два вполне взрослых самостоятельных человека, и есть шанс...

Она посмотрела на меня с любопытством.

– Возможно. Идем, а то весь вечер здесь проболтаем. Стоп, я же хотела подкрасить губы!

В зале веселье шло полным ходом. Шампанское уже выпили, и теперь на столах почетное место занимала водка. Борька Мусатов, скинув пиджак, лихо отплясывал «Яблочко» – когда-то ему довелось служить во флоте. Потом музыка сменилась, и танцевать принялись почти все присутствующие. Я выпила для куража стопку, и в это время ко мне подскочил Андрей Грибов – его имя наконец всплыло в моей памяти.

– Храбрая женщина, – сказал он, глядя, как я, не поморщившись, заедаю водку оливкой. – Станцуем?

Я протянула ему руку, и мы вошли в круг. Бывшие одноклассники томно извивались под музыку, Мусатов упорно отплясывал «Яблочко». Ребята больше болтали, сбившись в кучу.

Андрей Грибов был очень хорош. Он и раньше был все-

общим любимцем, но сейчас его мужской шарм был сильнее в сто раз. Не очень высокий, но какой-то удивительно ладный, статный, с зачесанными назад черными волосами и короткой стильной щетинкой на щеках, он глядел на меня бесстыдными, нежными глазами – до такой степени порочными, что это уже было за пределами человеческой морали и потому осуждению не подлежало. Весь в черном, в черной водолазке...

Следующей была когда-то очень модная песенка на испанском языке, что-то про «мучачу» и «амор». Латиноамериканская музыка мне нравилась. Помнится, в одном спектакле я плясала на сцене лихую самбу под похожую мелодию.

Быстро почувствовав, что я двигаюсь очень уверенно, Андрей вытянул меня в центр круга, резко развернул, наклонил назад, потом закрутил в своих руках, как волчок. Это было какое-то безумие – я выделяла такие коленца, которые позволяла себе изобразить только на сцене, играя знойную Пакиту.

Набежал еще народ – все стояли вокруг, хлопали в ладоши, раскрасневшийся Мусатов орал что-то подбадривающее. Мне уже все было нипочем – я танцевала, не отрывая глаз от страстного лица Грибова.

Под конец он так лихо и так ловко опрокинул меня назад через колено, что я чуть не встала на мостик, мои волосы коснулись пола. Все завизжали, Грибов рывком поднял меня и прижал к себе. Танец кончился.

Я подошла к столу выпить чего-нибудь освежающего – было очень жарко. За мной шли Грибов и Фогельсон. Три девицы – Ленка-толстая, Ленка-в-очках и бывшая Варшавская – вопили что-то неразборчивое, Мусатов требовал, чтобы я станцевала и с ним. Но я не могла говорить, а только отмахнулась от всех, жадно глотая апельсиновый сок.

Краем глаза я увидела в противоположном углу зала Шурочку – она стояла рядом с одной из своих бывших подружек. Та оживленно говорила ей что-то, но Шурочка не слушала – она смотрела на меня каким-то безумным, мрачным взглядом, от которого мне стало хорошо и страшно одновременно. Наверное, для нее было потрясением, что теперь в центре внимания была не она, а я – та самая безобразная толстая девочка, которой она когда-то милостиво предложила замазать веснушки ее французским кремом.

Грибов стоял рядом и медленно, мелкими глотками, словно иностранец, цедил сквозь зубы водку. И молчал. Под глазами у него лежали фиолетовые тени – наверное, напоминание о бессонных ночах, которые он провел с теми многочисленными особами, не устоявшими перед его мексиканским напором. Я вполне могла бы быть одной из них этой ночью, уже сейчас, но – какой смысл? Я никогда не теряла голову из-за мужчин. Плохо это или хорошо – не знаю. Внутри у меня все дрожало. Опять мне досталось то, в чем я совсем не нуждалась, а единственное – единственное! – чего я хотела, снова уплыло из рук. «Надо пересмотреть свои взгля-

ды, – сказал хмельной, спотыкающийся голос внутри меня. – И довольствоваться тем, что имеется в наличии».

– Отстань, – сказала я Юрочке, который довольно развязно попытался взять меня за руку.

– Танечка, потанцуй и со мной, – произнес кто-то рядом.

Я подняла глаза и увидела Его. И такая злость разобрала вдруг меня, такое необъяснимое упрямство, что я, уже ничуть себя не сдерживая, расхохоталась Ему прямо в лицо.

– Как... как интересно! – произнесла я сквозь смех. – Никогда не думала, что буду пользоваться такой популярностью в нашем классе. Спустя... спустя десять лет на меня наконец обращает внимание сам Серж Мельников!

Крылья носа у стоявшего рядом Грибова раздулись. Его, судя по всему, очень раззадорил мой дикий смех, он поставил стакан на стол – я поняла, что он опять решил станцевать со мной очередную самбу, румбу или черт знает что. И пока он не успел оттеснить меня от моей детской мечты, я быстро положила руки на плечи Сержа, и мы скрылись среди танцующих.

Странное дело, я не была пьяна – от одной рюмки водки не опьянеешь, но какой-то хмельной туман продолжал бродить во мне. Играла тихая спокойная мелодия, откуда-то сверху сыпалось конфетти. Мы покачивались под музыку в дальнем, самом темном углу кафе – я обнимала человека, о котором в своей жизни думала больше, чем о каком-либо другом мужчине. Это было такое острое, почти физическое на-

слаждение, что я едва не застонала, когда прижалась к нему всем телом.

Я не понимала, что же такое произошло, от чего вдруг Серж обратил на меня внимание, почему он был сейчас рядом со мной, а не с Шурочкой. Он так сильно и в то же время нежно обнимал меня, что ошибиться было нельзя – он явно испытывал ко мне какие-то чувства, и довольно сильные. Один раз он осторожно поднял мое лицо за подбородок, взгляделся в меня с выражением безмятежного счастья, а потом опять прижал к себе, провел рукой по волосам, вздохнул... От него божественно пахло мужскими духами... Такие я в свое время хотела подарить Мите, но Митя был брюнетом, и вообще это был не его запах, а вот Сержу с его блестящими русыми волосами, мягкой пластикой леопарда они подходили идеально.

Когда танец закончился, Серж поцеловал мне руку, и мы подошли обратно к столу. Я ждала, что вот-вот он скажет мне что-нибудь важное, после чего моя жизнь станет еще прекраснее, и он уже, кажется, открыл рот, чтобы произнести эти главные слова... как в этот момент рядом с нами оказалась Шурочка.

Она мило, обезоруживающе улыбнулась и сказала своим звонким детским голосом:

– Ребята, давайте выпьем за старую дружбу! А то как-то неудобно, мы самые трезвые на вечеринке...

– Отличная мысль! – откуда-то сбоку налетел Юрочка с

горящим решимостью взором – в руках у него была непочатая бутылка.

Серж, слегка поморщившись, наблюдал, как Юрочка разливает водку, но потом все-таки взял рюмку и произнес своим мягким, бархатным голосом:

– Ребята, как здорово, что нам удалось встретиться...

– Да, это просто чудо! – перебила его Шурочка. – И я надеюсь, старая дружба больше никогда не прервется, правда!

Фогельсон сказал еще какие-то прочувствованные слова, мы чокнулись. Я едва пригубила – водка показалась мне горькой, невкусной. «Отчего они поссорились когда-то? – неожиданно подумала я. – Ведь у них была такая необыкновенная любовь, не похожая на обычное юношеское увлечение». Эти мысли неспроста лезли мне в голову – Шурочка с Сержем как-то странно вели себя. Они посматривали друг на друга с изумлением, с ожиданием. Возможно, им было о чем говорить, но они не стремились к этому, как будто старые обиды мешали. Да, увидев Шурочку, в первый момент Серж бросился к ней, но потом какие-то неведомые силы оттолкнули их друг от друга.

– Сергей, извини за нескромный вопрос, но можно узнать, чем ты теперь занимаешься? – спросила Шурочка, и в ее голосе я услышала явное напряжение.

– Работаю, – как-то вяло, без энтузиазма ответил он.

– Не хочешь – не говори, – быстро вставил Фогельсон. – Таня, еще налить?

– Нет, спасибо...

– У меня своя небольшая фирма по продаже оргтехники, – сказал Серж, передернув плечами, словно его знобило.

Шурочка не отрывала от него внимательного, тоскливого и, пожалуй, даже жалостливого взгляда. Во всем этом определенно что-то было!

– Работа по нынешним временам неплохая, – вкрадчиво начала я. – Особенно судя по аромату твоего одеколona...

– Ого! – уважительно произнес он. – Ты у нас, оказывается, эксперт в мужской парфюмерии.

– ...но, кажется, в юности ты собирался заняться чем-то иным, – закончила я начатую фразу. Я очень хорошо помнила тот разговор в десятом классе, когда он упоминал про свои связи и про МГИМО. Хотя чего тут удивляться, времена очень круто изменились!

– Сережа собирался стать дипломатом, – вставила Шурочка.

И тут я заметила, что Серж посмотрел на нее почти что со злобой. Не знаю, как бы дальше повернулся наш разговор, но в это время в кафе появилась наша бывшая классная руководительница Флора Лаврентьевна, и все с шумом бросились к ней, окружили, загалдели...

– Что-то я заскучал, – произнес Серж, чуть брезгливо глядя на это со стороны. – Помнится, старая гримза ударила меня однажды указкой по голове...

Я тоже была не в восторге от сильно чудаковатой Флоры

Лаврентьевны, но настроение Сержа меня пугало.

– Ты замужем? – спросил он. – Не вижу колечка на твоей руке...

Это был опасный момент – от моего ответа зависело очень многое.

– Была раза два, – сказала я равнодушно. – Но это так скучно.

– Да, скучно, – задумчиво повторил он, и сразу отпала необходимость спрашивать о его семейном положении.

– В сущности, на этой ноте вечер встречи можно и закончить. Все всё узнали друг о друге, похвастались своими достижениями, позавидовали более удачливым, окончательно распрощались с детскими комплексами... Кроме совместно проведенного детства, этих людей, – я обвела глазами зал, – больше ничто не связывает.

Серж посмотрел на меня с интересом. Он был похож на утонченно-мрачного декадента начала двадцатого века, да и вообще, весь его внешний облик напоминал картины Обри Бёрдслея – прихотливые, капризные линии сочетались с детским простодушием. Мне невольно хотелось ему подыграть, потому я и произнесла последнюю фразу.

– Ты так изменилась, – сказал Серж, легко прикасаясь тыльной стороной ладони к моей щеке. – Не знаю почему, но мне так приятно рядом с тобой.

Я хотела спросить про Шурочку, но тут же прикусила язык – это было бы банально, а мне не хотелось разочаровы-

вать Сержа.

– Танюша, – неожиданно потянула меня в сторону Шурочка, – там Флора Лаврентьевна принесла старые фотографии, очень забавные...

Я пошла за ней, хотя на старые фотографии мне было наплевать. Я хотела остаться рядом с Мельниковым, но от Шурочки было невозможно оторваться – чем дальше, тем уверенней вела она себя со мной, словно в детстве мы были закадычными подругами. Да, мы сидели с ней за одной партой, но подруги у нее были другие. Правда, сейчас она не обращала на них никакого внимания, сконцентрировавшись только на мне.

Возле старушки Флоры топтался Мусатов. Он захватил меня в медвежьи объятия, похоже, всерьез решив выполнить свое желание «пропальпировать».

– Борька, отстань от девушки! – отогнала его Флора Лаврентьевна, раскладывая веером фотографии, на которых была среди прочих моих одноклассников и я – толстая угрюмая девочка с безобразной прической.

– О господи, это просто компромат какой-то! – застонала я.

Шурочка засмеялась, дружески обнимая меня.

– Танюшка, а я-то, я чем лучше – какой ужасный канаречный свитер! – тыкала она пальчиком в свое изображение.

На миг все поплыло перед моими глазами – я вспомнила этот свитер. И то, как видела Шурочку с Сержем в этом же

самом кафе, и как он смотрел на нее, а я, маленькая, ничтожная, была готова отдать всю жизнь за один такой взгляд...

Я обернулась – Сержа нигде не было. Спустя минут пятнадцать, когда Флора Лаврентьевна утомилась наконец с фотографиями, я пошла его искать. Искала его везде, даже заглянула на кухню, где зевали сонные повара, ожидая закрытия, послала Фогельсона в мужской туалет на разведку – бесполезно. Я поняла, что Он ушел.

Это было невозможно, немыслимо. Потому что по всем приметам мы должны были уйти с вечеринки вместе. Я пыталась успокоить себя тем, что у Сержа был странный вид – то ли устал, то ли ему нездоровилось... Пожалуй, он был единственным, кого встреча с одноклассниками оставила спокойным.

Я еще немного поболтала с Шурочкой, которая не отлипла от меня, и даже дала ей свой домашний телефон. Вернее, она просто вытянула его из меня. Мне уже было все равно, я чувствовала себя опустошенной и мечтала только об одном – уйти отсюда.

Провожал меня Фогельсон. В гардеробной произошла небольшая заминка – Мусатов уснул на галошнице и решительно не желал просыпаться. Кто-то поймал такси и взял на себя труд довести сонного Мусатова в его Бутово, и, пока все толкались и шумели, разбирая шубы, сумки, одновременно удерживая в вертикальном положении шкафоподобного Борьку, я потеряла из виду и Шурочку.

– Какой ты юркий, Юрик, – сказала я бывшему однокласснику, когда тот одним из самых первых отыскал в этой неразберихе наши пальто. – Ха-ха, получилась тавтология...

Но он был необидчив – собственноручно натянул на меня сапоги, вывел из кафе под ручку. Народ сзади еще кричал, торопливо обменивался телефонами, но мне было уже не до того.

– Ты далеко живешь? – в темноте его глаза блестели вишневым маслянистым блеском.

– Нет, совсем рядом...

Было темно, холодно, я с запоздалым раскаянием вспомнила, что перед выходом забыла позвонить Мите и сейчас он, наверное, сидит дома как на иголках, переживает.

– Слушай, у меня прекрасная идея, – развязным неуверенным голосом произнес Юрочка. – Давай остаток вечера проведем где-нибудь?

– Где?

– Ну, у тебя, например...

– Юрик, остаток давно кончился, сейчас самая настоящая ночь! Ты что, предлагаешь провести нам эту ночь вместе?

– Почему бы и нет? – произнес он совсем неуверенно. Кажется, ожидал другого ответа от актрисы.

Ситуация была дурацкая, но мне почему-то стало ужасно смешно.

– Юра, я человек старого воспитания, – сказала я очень серьезно. – Просто так я не могу. Я сначала вступаю в брак

и только потом позволяю себе интимные отношения. Иначе мне моральные принципы не позволяют. Ты согласен быть моим третьим мужем?

Юрочка едва не упал, поскользнувшись на обледенелом асфальте.

– Ты... ты что, ты это... случайно не шутишь?

– Нет, – твердо заявила я.

– Я не готов. Понимаешь, я еще с женой не развелся... Нет, ты не думай! Мы давно вместе не живем, пока документы оформляем...

– Дети есть? – строго спросила я.

– Дочь.

– Алименты еще будешь платить, – разочарованно протянула я. – Нет, Юрочка, ничего у нас с тобой не получится. Кстати, вот уже мой дом.

– Ладно, пока, – неловко протянул он мне руку.

– Пока... – лучезарно улыбнулась я и исчезла за подъездной дверью.

Так и есть – Митя метался по квартире, как зверь в клетке, и едва только я нажала на звонок, как он тут же распахнул дверь.

– Первый час! – с упреком воскликнул он.

– Митя, пожалуйста, я очень устала...

Он раздел меня, молча прижал к себе. Его объятия не вызвали во мне столь бурных чувств, как объятия Сержа Мельникова, но странное дело, я тут же успокоилась.

– Ты славный, – сказала я.

– Иди, умывайся скорее, я буду тебя ждать...

Митина любовь временами почти не ощущалась – она была как воздух, который вдыхаешь машинально и не думаешь о том, как бы ты дышала без него. Его прикосновения и ласки были так естественны, что я почти не замечала их, мне казалось, что так и должно быть – он ласкает меня именно там и именно так, как я хочу. Я слышала про мужчин, которые после занятий любовью поворачиваются на другой бок и тут же засыпают, но я таких не знала. Воспоминания о первых двух мужьях как о любовниках совершенно стерлись у меня из памяти, мне казалось, что всю свою жизнь я живу только с Митей. И я погружалась в сон в его объятиях, пока он шептал что-то нежное, смешное, легчайшими прикосновениями пальцев касаясь лица, и эти прикосновения вызывали ощущение дивного покоя, который я испытывала, наверное, только в младенчестве, когда мама укачивала меня на руках, напевая колыбельную...

– Таня.

– М-м... – пробормотала я сквозь дрему.

– А ты видела на этом вечере свою первую любовь?

– Откуда ты знаешь?

Внутри меня все окаменело, но я старалась не подавать виду.

– Но у всех случается в школе любовь.

– Да.

– Он произвел на тебя впечатление, у тебя дрогнуло что-нибудь внутри?

– Митя, я устала, поговорим завтра!

– Нет, правда, мне все о тебе интересно.

– Он меня разочаровал, – ответила я коротко и тут же провалилась в глубокий сон.

Я не покривила душой – Серж Мельников действительно меня разочаровал: сначала подал надежду, а потом куда-то смылся без всякого предупреждения. Митя был в сто раз лучше.

Через пару дней мысли о моей первой любви окончательно улетучились – и все потому, что мне позвонили и предложили сняться в рекламе.

– Какой ужас! – невольно воскликнула я. – Мне уже несколько раз предлагали рекламировать прокладки и май-онез...

– Нет, у нас другой товар.

– Да какая разница, бульонные кубики меня тоже не вдохновляют!

Иногда я позволяла себе немного покапризничать. Голос в трубке тут же пообещал, что мне хорошо заплатят.

– «Хорошо» – это сколько? – спросила я.

Мне ответили, и я призадумалась.

– А что рекламировать-то придется? – деловито спросила я.

– Итальянскую обувь.

Митя мечтал о новой машине...

Я, конечно, рановато радовалась – претенденток на этот рекламный ролик оказалось несколько. Но сделали пробы, и я больше всего понравилась начальству фирмы, которая собиралась торговать своей обувью в России.

– О, экзотик! – воскликнул, как мне сказали потом, сам господин Тоцци, увидев на экране мое конопатое желтоглазое личико. – Унреале!

Ролик сняли в рекордно короткие сроки – недели за две. На сей раз никаких неудобств я не испытывала, только очень уж много времени уходило на создание моего образа – макияж, волосы, наряды...

Сюжет ролика был довольно незатейлив – Италия, Возрождение, почтенный седобородый старец рисует знатную молодую даму – бархатные одежды, кружева, блеск парчи, сияние свечей, золото моих волос (их специально осветлили, чтобы придать нужный оттенок), словом – яркие, праздничные, густые краски, как на картинах прошлого.

Дамочка в бархате вертится на месте, ей скучно позировать, камера скользит по ней – веснушки на лице, на руках, из-под складок тяжелой одежды на миг высовывается хорошенькая, и тоже вся в веснушках, ножка в чудесном башмачке... Старец усмехается в свою серебристую бороду – картина написана, он тонкой кисточкой ставит свое имя в уголке – Веронезе.

Затем кадр меняется – Россия, зима, поля, засыпанные

снегом... Камера скользит, наезжает на уютный домик. В домике девушка, показана со спины, закутанная в простыню. Она потягивается, простыня съезжает, обнажается нога в конопушках, прочие пикантные подробности.

Следующий кадр – девушка выходит из дома, жизнерадостно бежит по снегу. Краски зимнего утра ясные, чистые, золотятся волосы на фоне голубого снега, ножка в хорошенечком сапожке оставляет на снегу след. Камера наезжает ближе, отпечаток подошвы в снегу, на нем надпись – Веронезе...

Словом, все простенько и со вкусом, построено на игре красок. Несколько пар обуви фирмы «Веронезе» мне достались совершенно бесплатно, а господин Тоцци лично приглашал меня съездить в Италию.

Митя, разумеется, был в курсе того, чем я занимаюсь, но, когда я ему отдала все заработанные деньги, он не знал, плакать ему или смеяться.

– Что за глупости! – сказала я ему, когда он попытался отказаться от них. – Мы уже два года вместе, общее хозяйство ведем, можно сказать, как в Гражданском кодексе...

– Какой еще Гражданский кодекс! – в ужасе возопил он, хватаясь за голову. – Я сам в состоянии заработать деньги!

– Кто же спорит? – хладнокровно согласилась я. – Но у тебя ушло бы еще несколько месяцев, чтобы собрать нужную сумму, я же просто приблизила момент покупки. И потом – я давно хочу, чтобы ты меня прокатил с ветерком... на спортивной модели!

Я, конечно, могла бы потратить деньги и на собственные удовольствия. Например, исполнить свою мечту – обзавестись огромным аквариумом, запустить в него каких-нибудь редких рыбок, купить кораллов, модель затопленного старинного корабля... Но я чувствовала вину перед Митей – он-то ничего не жалел ради меня. Мечта о большом аквариуме была у меня с детства, я часто представляла темную с подсветкой воду, колыхание водорослей, снующих взад-вперед ярких рыбок – таинственный подводный мир, возможность заглянуть в иное измерение...

Едва только рекламный ролик показали по телевизору, мне тут же позвонила Шурочка.

– Это очаровательно, – защелбетала она своим детским голоском, – Танюша, ты просто великолепна! Я обычно не обращаю внимания на рекламу, а тут просто со страшной силой захотелось купить себе эти сапожки!

– Да уж... – неопределенно ответила я.

– Ты извини, я раньше не могла тебе позвонить, сама понимаешь – работа, ребенок...

Я хотела сказать, что не испытывала никаких неудобств из-за того, что она мне не звонила, но Шурочка была – сама любезность, и неловко было грубить ей.

– Ты не хотела бы со мной встретиться?

В разговоре возникла пауза – я совсем не знала, что ответить моей бывшей однокласснице. Да и ее неприкрытый интерес к моей особе настораживал.

– Можно, конечно, – нехотя ответила я.

– Отлично! Приходи ко мне в гости.

– Когда?

– Да хоть завтра! – воскликнула она. – Впрочем, если ты занята, приходи в выходные.

– Я бы с удовольствием, но...

– Что? – испугалась Шурочка, словно от этого визита зависела вся ее жизнь.

– Я живу не одна, мой молодой человек... – стала я мямлить, все еще надеясь, что Шурочка отстанет от меня, но та не дала мне договорить:

– Я все понимаю, приходи вместе с ним!

Она так просила, что я не смогла ей отказать. «Мой молодой человек», то есть Митя, преспокойно бы отпустил меня в гости, но я не хотела идти одна. За ним я была как за каменной стеной, которую не могло разрушить Шурочкино назойливое любопытство. В самом деле, чего ей от меня надо?

Я хотела знать.

* * *

Митя сначала попытался отказаться идти со мной, тем более когда узнал, что никаких других мужчин, кроме него и малолетнего Шурочкиного сына, в доме не будет. Он не особенно любил присутствовать при бабских разговорах.

– Митя, совсем недолго! – поклялась я. – Часик-другой –

и мы уйдем.

Шурочка жила за два квартала от нас. Митя купил моего любимого красного вина, букетик гвоздик – для хозяйки, и мы пошли.

У Шурочки даже затряслись руки от какого-то странного возбуждения, когда мы наконец появились на пороге ее квартиры.

– Ах, дорогие гости, – запела она. – А я тут одна, все про меня забыли... Я специально пиццу испекла к вашему приходу, да и кулич еще остался...

Может быть, она не врала и действительно умирала от скуки?

Сынок ее, шестилетний Витюшка, был не по годам развитым ребенком. Он поздоровался с Митей за руку, а меня очень серьезно спросил, пристально вглядываясь в мои веснушки:

– Это болезнь, да?

– Это весна, милый! – радостно засмеялся Митя.

За окнами и впрямь была весна – светило солнце, неистово чирикали воробьи, откуда-то издалека доносились звуки благовеста – отмечали Пасху.

Мы сели за стол, Шурочка разрежала свою пиццу, Митя открыл вино.

– За Таниту! – произнесла Шурочка первый тост.

– И за хозяйку, – тут же добавил мой добросердечный спутник.

Витюшка двумя руками запихивал в рот кулич.

Наконец я смогла пристально рассмотреть Шурочку – тогда, на вечеринке, в сумраке кафе, в суматохе, как следует сделать это было невозможно. Она была хороша, как и в юности: черты лица у нее были правильные, классические – большие глаза, тонкий носик, выразительный рот. Но сейчас, при ярком солнечном свете, свободно льющемся из окон прямо в лицо моей бывшей соседке по парте, я заметила на ее личике печать быстротекущего времени.

Конечно, в двадцать семь лет редко у какой особы появляются морщины и тускнеет взгляд – разве что после болезни или от полного пренебрежения к себе, а Шурочка, судя по всему, очень тщательно заботилась о своей внешности. Но все равно что-то неуловимое произошло с ней – этой горькой складки у губ, которая возникает от постоянного выражения недовольства на лице, раньше точно не было. Да и взгляд поскучнел, юношеский оптимизм покинул Шурочку, кажется, навсегда. И короткая стрижка под мальчика, сделанная, безусловно, у дорогого мастера, не молодила ее, как следовало ожидать, а придавала какой-то сугубо «дамский», совсем не девичий вид.

Шурочка тоже всматривалась в меня, едва скрывая любопытство и удивление. Ее чересчур пристальное внимание было бы неприличным, если б она не ахала поминутно и не твердила, какой я стала красавицей.

– Шурочка, перестань! – смеялась я. – Подумаешь, в ре-

кламе снялась... Я от этого лучше не стала.

– Да я бы тоже не прочь сняться в рекламе, лишь бы меня по телевизору показали.

– А ты знаешь, некоторые считают это ниже своего достоинства...

– Снобизм, безусловно!

– Нет, если б Татку пригласили для рекламы прокладок, я бы сильно возражал, – вставил в разговор Митя. – Кстати, очень вкусно... Я люблю, когда так много грибов и маслин.

– Маслины – это гадость, – авторитетно заявил Витюшка.

– За столом так не говорят! – укорила его Шурочка. – Дмитрий, а Танита, наверное, замечательная хозяйка?

– Угу, – самодовольно заявил тот. – Татка, пригласим твою подругу на той неделе? Ты вроде собиралась тоже что-то замечательное испечь.

Мне ничего не оставалось, как только подтвердить его приглашение. Шурочка теперь переключилась на Митю – ей решительно захотелось знать, какой институт он закончил, где сейчас работает и кем.

Митя добросовестно принялся ей отвечать, а я встала и с бокалом в руке принялась обходить комнату. Жилище у Шурочки было вполне современным, в духе минимализма – все очень просто, красиво, удобно. Легкий укол зависти кольнул сердце – минимализм был мне недоступен, я склонялась в сторону пестрых обоев и уютных безделушек, которые загромождают пространство, но так радуют душу.

На книжных полках стояли всякие экономические энциклопедии, справочники, учебники по стоматологии. А еще – огромное количество переводных детективов и, как ни странно, книги по психологии. Фрейд, Бёрн, еще какие-то замысловатые имена...

– Шурочка, ты увлекаешься психологией? – обернувшись, удивленно спросила я.

– А что странного? – улыбнулась она самодовольно. – Каждому человеку необходимо это знать – ведь все мы живем среди людей.

– Одобряю, – согласился Митя. – Я, например, очень люблю Дейла Карнеги. Но у него, конечно, книги прикладного характера – как воздействовать на людей, как ими манипулировать, завоевывать дружеское расположение...

– Удалось чего-нибудь добиться? – в упор спросила я Шурочку.

– Ну, это нельзя оценивать так конкретно, – не отводя взгляда, снисходительно ответила она. – Межличностное общение – тонкая штука, в нем не может быть видимых результатов. Вот, например, у меня есть начальник, главврач поликлиники, – тип довольно мерзкий, если честно. С помощью кое-каких психологических приемов я добилась того, чтобы он относился ко мне хотя бы с формальным уважением. Большой любви и дружбы я, конечно, не пыталась завоевать, да это и ни к чему...

Я слушала ее и невольно вспоминала детство, когда она с

тем же выражением усталого превосходства пыталась втолковать мне, какая я безнадежная дура и уродина. Хотя и не прямым текстом, но зато с прямым психологическим расчетом.

– Может быть, кофе?

– Да, пожалуй, – согласился Митя.

Шурочка ушла куда-то, но тут же вернулась.

– Это ужасно, – произнесла она с извиняющейся улыбкой. – Без мужских рук дом просто разваливается. Митя, вы не могли бы посмотреть мою кофеварку? Кажется, в ней сгорел предохранитель.

– Без проблем! – вскочил тот.

– Витюшка, а ты покажи пока тете Тане наш альбом.

Они ушли, а примерный Витюшка положил мне на колени огромный плюшевый альбом. Я раскрыла его и попросила:

– Ладно, рассказывай, где тут кто...

Маленький человечек стал бойко тыкать в лица на фотографиях, называя имена и степень родства, а я попыталась представить, что сейчас делают на кухне Шурочка и Митя. Я его не ревновала совершенно, но странная мысль, что Шурочка пытается с помощью каких-то простых и одновременно очень хитрых психологических манипуляций что-то сделать с моим честным и доверчивым возлюбленным, вдруг посетила меня.

– А папа твой тут есть? – довольно бестактно спросила я у Витюшки.

– Не-а, – равнодушно ответил он. – Мама порвала все его фотки.

Дальше расспрашивать ребенка у меня не хватило совета. «Порвала! Однако психология не во всем помогает...»

Через несколько минут появились Митя и Шурочка с кофе.

– Ну как, не очень ты тут скучала? – с ласковой улыбкой спросила она. – Да, Дмитрий, передайте, пожалуйста, сахарницу...

– Пожалуйста! – тот опять вскочил, с готовностью демонстрируя свою приязнь.

– Таня, Таня, как я тебе завидую! У тебя не мужчина, а просто клад – починил мне кофеварку, я уже хотела ее выбрасывать...

Мы возвращались домой ясным теплым вечером, со всех сторон продолжал наплывать благовест, скудная городская зелень готовилась вот-вот распусться, воздух дышал свежестью, что нечасто бывает в центре, но мне было как-то не по себе.

– Митя, как тебе Шурочка?

– Очень милая женщина, – ответил он. – Вообще это хорошо, что ты продолжаешь поддерживать отношения с друзьями детства, я вот своих как-то растерял...

– Ты знаешь, а ведь мы с ней и не друзья вовсе.

– Как это так? – удивился он. – Ты же говорила – десять лет за одной партой сидели!

– Да, сидели, но подругами никогда не были, – упрямо повторила я.

– Ладно – хорошие знакомые...

– Митя, в том-то и дело, что все эти десять лет Шурочка меня терпеть не могла!

– Так что ж вы не пересели в разные места?

– Не знаю, – пожала я плечами.

– Тогда я не понимаю, зачем мы пошли сегодня к ней, – с досадой произнес он. – Целый вечер потратили на какую-то дурацкую болтовню – психология, родственники, кулинарные рецепты...

– Не знаю.

– Брось, Татка, – мягко встряхнул он меня. – Вы с этой Шурочкой весь вечер так мило щебетали, так расхваливали друг друга, так улыбались... Постой, я знаю, отчего вдруг у тебя испортилось настроение, – ты меня к ней приревновала!

– Вот еще! – фыкнула я презрительно. – Ты же знаешь, я не ревнивая.

– Просто я повода тебе никогда не давал. А сегодня она позвала меня на кухню посмотреть кофеварку – ты и взбрыкнула.

– Я взбрыкнула?!

– Ну да! Ты, наверное, сидела в комнате и думала, что же мы такое там с Шурочкой делаем!

– И что же вы там делали? – язвительно спросила я.

– Меняли предохранитель у кофеварки!

Митя уже смеялся, глядя в мое насуспенное, мрачное лицо, а я подумала, что, вероятно, он не так уж далек от истины – я ревновала его немного к Шурочке. Уж как-то чересчур она лебезила перед ним и восхищалась им экзальтированно...

– Тата, она нормальная, обычная женщина, – отсмеявшись, спокойно сказал Митя. – А вот ты меня, голубушка, сильно тревожишь.

– Чем это я тебя тревожу?

– Я подозреваю, что некоторые детские комплексы в тебе еще не изжиты.

– Ого, ты как Шурочка, увлекся психологией!

– Нет, правда, тебя мучают призраки, которых не существует...

Митя скоро забыл и этот вечер, и этот разговор, но его слова о призраках не шли у меня из головы.

Мне было не по себе – а вдруг я и вправду бог весть что напридумывала про бедную Шурочку, которая искренне обрадовалась своей соседке по парте?

В первый раз я решила посмотреть на всю давнюю школьную историю со стороны. Собственно, и истории как таковой не было – так, какие-то слова, взгляды, наблюдения, перипетии чужой любви, которой я завидовала. Возможно, из-за жгучей неразделенной любви к Сержу Мельникову я действительно вообразила Шурочку какой-то невероятной ведьмой. Ведь если взять за основу только факты, то она не

совершила ни одного плохого поступка, ничем не навредила мне. Ну да, она говорила мне в детстве замаскированные гадости, но такое часто случается среди девчонок. И потом – только мне они казались гадостями, все остальные считали Шурочку образцом добродетели. Она предлагала мне французский крем, который был большим дефицитом в то время!

Словом, после этого вечера в моих мозгах произошел некий сдвиг – я решительно пересмотрела свое прошлое и пришла к выводу, что довольно долгое время страдала ерундой. Неужели я была таким злопамятным чудовищем в юности и до такой степени завидовала чужой красоте?

Нет, не до такой, сказала я себе, но пора бы забыть свою неудачную первую любовь к утомленному декаденту Мельникову, выкинуть из головы подозрения насчет одинокой и несчастной Шурочки. Ибо женщина, у которой нет мужа или на худой конец любовника, считается автоматически в народе несчастной, даже если она себя таковой не ощущает.

И когда спустя несколько дней ко мне явилась Шурочка, заранее приглашенная попробовать мой фирменный бисквит, я сменила гнев на милость и довольно любезно болтала с ней весь вечер. Митя тоже участвовал в нашей беседе и выглядел очень довольным – моя бывшая одноклассница захвалила его с ног до головы, и теперь, пожалуй, я не смогла бы жаловаться ему на Шурочку.

Однажды я шла по центру – никаких особых дел у меня не было, и ноги сами вдруг понесли меня в тихие московские переулки. Туда, где раньше был магазин «Драпировка», в котором тысячу лет назад продавались портьеры четырех видов – в цветочек, ёлочку, клеточку и ромбик – и огромные полосатые матрасы, набитые морской травой.

Мой первый муж казался мне теперь еще более далеким прошлым, чем моя школьная юность. Я почти не вспоминала его, хотя, как уже говорила, нашу семейную жизнь несчастливой назвать было нельзя. Теперь я поняла, что он, наверное, очень любил меня и страдал от моего холодного, мрачного характера. Я не отвечала ему взаимностью, я лишь милостиво снисходила до него, пока в конце концов он не понял, что не растопить ему тех бескрайних ледяных полей, которые царили у меня в душе.

Его звали Рома – сокращенное от чужестранного имени Ромуальд, хотя он был абсолютно русским человеком, с положенным набором плохих и хороших качеств, как у большинства людей русской национальности. Просто его родители были из простых заводских работяг и мечтали о красивой жизни, а имя сына было первым шагом к ней. Ромуальд Попов – человек, за которым я когда-то была замужем.

В последнее время центральная часть города постоянно

перестраивалась и перекрашивалась – как модница, каждый сезон меняющая наряды, и я поэтому едва узнавала улочки, по которым ходила не столь уж давно.

Я шла к магазину «Драпировка», совершенно не надеясь, что найду его на том же самом месте. В свете последних экономических событий я больше ждала увидеть там какой-нибудь банк или что-нибудь эдакое, для простых людей труднопонимаемое.

– Девушка, дайте мне автограф! – подбежал ко мне через улицу какой-то лохматый тип с модным рюкзачком. – Я вас в рекламе видел и в кино тоже... Как вас зовут?

– Ошибочка вышла, – равнодушно ответила я, не замедляя шаг. – Я в кино не снимаюсь. Сейчас все похоже...

– Все равно, как вас зовут? – Тип оказался настырным.

– Пошел вон, – мрачно сказала я.

Вот и тот самый дом... Я была совершенно спокойна, лишь любопытство беспокоило меня. Еще издали я увидела, что исчезла прежняя вывеска. Да и дом изменился – был заново отштукатурен, покрашен, восстановлена старинная лепнина на фасаде, вместо прежних трех ступенек – мраморная лестница с колоннами цвета лосося. А посреди этого великолепия роскошная вывеска – «Люси. Интерьер-салон».

«Бедный Рома, – подумала я. – Все течет, все изменяется...»

Но несносное любопытство не позволило мне пройти мимо – я отворила хрустальную, звякнувшую колокольчиком

дверь и вошла внутрь. Здесь тоже все переменялось, пространство расширилось – матовые стены уходили в переливающуюся дымкой бесконечность, какие-то вещи в драпировке и золоте, картины, вазы... Внутреннее содержание салона напоминало музей.

Мягким бесшумным шагом ко мне скользнул томный лохотонный юноша и бархатным полупшепотом спросил:

– Вам помочь? Я к вашим услугам...

– Это магазин? – скрывать свою наивность я не собиралась.

Молодой человек посмотрел на меня с величайшим сожалением:

– Нет. Наш салон помогает создавать интерьеры – в квартире, в офисе, в загородном доме... Представлены все направления – от классики до модерна. Если вы нуждаетесь в такого рода услугах, мы предоставим вам опытного дизайнера... – Последнюю фразу он произнес скороговоркой, словно сомневаясь, нужны ли мне такие услуги, – ведь я не смогла отличить обычный плебейский магазин от салона.

– Раньше здесь был магазин «Драпировка», – с ностальгическим сожалением произнесла я.

Молодой человек натянуто улыбнулся:

– Ничего об этом не знаю.

И тогда я все-таки решилась спросить:

– Любезный, а Ромуальд Петрович здесь работает?

«Любезный» тут же сменил кислую гримасу широким

голливудским оскалом:

– Как вас представить?

Ого! Неужто Рома владеец всего этого великолепия?

– Скажите, его ждет леди Макбет, – невозмутимо произнесла я.

«Любезный» на миг вытаращил глаза, а потом заскользил куда-то в матовые глубины, нервно бросив мне напоследок:

– Присаживайтесь, сейчас я доложу о вас...

Я села на бледно-лиловый нежнейший пуфик, больше похожий на вечернее облачко, чем на место, на котором принято сидеть, и приготовилась ждать. Мы расстались с Ромой без ссор, почти дружелюбно, я была очень благодарна ему, что он не затеял коммунальных дразг, а подарил мне квартиру, в которой я живу до сих пор. Но кто знает – хотел ли он еще меня видеть? С тех пор прошло столько времени...

Ромуальд появился через минуту:

– Таня! Я так и думал! – всплеснул он руками, увидев меня. – Господи, наконец-то...

Это «наконец-то» меня и обрадовало, и смутило. Не так уж много лет прошло после нашей последней встречи, но время оказалось безжалостным к моему первому мужу – он полысел и потолстел. «Сколько ему сейчас? Немногим больше сорока...»

– Таня...

Я никак не ожидала, что он с такой детской радостью бросится меня обнимать.

– Что ж такое! – воскликнула я в полном недоумении. – С чего это ты так мне обрадовался?

– Жестокая... – укорил он меня. – Ладно, идем ко мне в кабинет, там поговорим.

По дороге я успела задать вслух свой первоначальный мысленный вопрос:

– Рома, неужели ты владелец всего этого великолепия? А как же несчастная «Драпировка»?

– Умерла и возродилась в новом качестве, – счастливо засмеялся он.

В крошечном, но необычайно уютном кабинетике он усадил меня в кресло, достал из мини-бара бутылку «Отарда».

– Ну, за встречу...

– Рома, ты мне не ответил.

– А, ты не поняла, почему я так тебе обрадовался? Да я и сам не знаю, честно говоря. Ну, за встречу! Я тебя часто вспоминаю, но позвонить как-то не удастся...

– Работа? – понимающе спросила я.

– Если бы... Танечка, я ведь снова женился.

– Поздравляю. Ее не Люсей случайно зовут?

– Как ты догадалась? – изумился он. – Хотя да, это, наверное, просто... Таня, меня держат в ежовых рукавицах – имен бывших жен и любовниц произносить нельзя. Прости, что я не давал о себе знать.

– Да ладно... – великодушно заметила я. – Я зашла сюда случайно. Но, может быть, зря? Не хочу быть причиной раз-

доров в твоей семье.

– Нет-нет-нет... Еще раз за встречу! Люська сюда редко заходит. Все продавцы – мужики. Ты заметила?

– Ромочка, а где твои кудри?

– Увы! – Он засмеялся грустно, проводя ладонью по макушке. – Что ты хочешь – возраст... Зато ты, Танечка, стала еще лучше. Похудела, правда, очень...

– Рома, дались тебе эти рубенсовские формы! Они уже не в моде!

– А при чем тут мода? – грустно возразил он. – Просто моя природа такова – я тянусь к женщинам с формами.

Мне вдруг стало весело.

– Рома, а фотографии жены у тебя тут нет?

– Хочешь на нее посмотреть? Пожалуйста. – Он развернул ко мне большую фотографию, которая стояла на идеально-глянцевой поверхности стола.

Новая жена Ромуальда Петровича была похожа на заграничную звезду Памелу Андерсон. Такой тип женской красоты довольно часто встречается в жизни и пользуется огромным успехом у мужчин: вываливающийся из декольте пышный бюст, осиная талия, роскошная, потрясающая воображение корма, которая почему-то была видна даже при снимке анфас, длинные крупные ноги – как у красавиц из американских мультиков, длинные выющиеся волосы, обесцвеченные до рези в глазах, хорошенькое детское личико, словно у порочного ангелочка, и фантастическая, в какой-то мере

вызывающая даже уважение, стервозность в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.